

— Ф. МУСКАТБЛИТЬ —

БЕЛЬГИЙСКАЯ ЖЕРТВА

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
LIBRARY

1892

Замѣченныя опечатки

	Напечатано:	Слѣдуетъ:
5 стран. 10 стр. снизу	олицетворение	олицетворенные
19 стран. 7 стр. сверху	совершалось	совершилось
28 стран. 13 стр. снизу	можно	можно было
37 стран. 14 стр. сверху	имъ	ей
” ” 15 стр. снизу	ихъ	ей
46 стран. (подъ рисунк.)	Брюесслѣ	Брюсселѣ
55 стран. 5 стр. снизу	дефенстрация	дефенестрация
60 стран. (подъ рисунк.)	Rue a la Station	Rue de la Station
71 стран. 2 стр. сверху	святаго	святого
79 стран. 14 стр. сверху	отдѣлильсь	отдалились

158
938

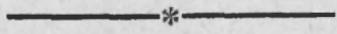
Ф. Мускатблитель.

к. м. / 140

БЕЛЬГИЙСКАЯ ≡ ≡ ЖЕРТВА.

Очеркъ борьбы за независимость

съ 40 иллюстраціями.

МОСКВА.

Типографія акц. о-во «Московское Издательство». Б. Дмитровка, 26.
1914.

Государ. публичная
Историческая
Библиотека РСФСР
№ 21250 1905

«Бельгійскій народъ, мы не говоримъ тебѣ: мужайся,—ибо не можетъ быть большаго мужества, чѣмъ то, которое ты показалъ.

Но мы говоримъ: вѣрь, не тщетны страданія твои: они пробудили совѣсть народовъ; отнынѣ земля твоя, залитая кровью сыновъ твоихъ,—святая земля; отнынѣ дѣло твое—дѣло всего человѣчества: осушить слезы твои, залѣчить раны твои, возвратить тебѣ сторицею все, что у тебя отнято,—поклѣлись народы, и честь ихъ порукою въ томъ, что клятва будетъ исполнена. Мы не хотимъ утѣшенія, пока ты не утѣшенъ; мы не хотимъ свободы, пока ты не свободенъ; мы не хотимъ побѣды, пока ты не побѣдилъ.

«Когда же будутъ вѣнчать побѣдителей, тебѣ отъ всего человѣчества—первый вѣнецъ. Всѣ народы предъ тобою разступятся, чтобы въ страну обѣтованную—ты первый вошелъ».

Мережковскій.

I. Что такое Бельгія?

Анонимное акціонерное общество, предсѣдателемъ котораго состоитъ король...

Юмористическій отзывъ колкаго Мирбо вполне соотвѣтствуетъ тому представленію о Бельгии, какое не безъ достаточнаго основанія сложилось у весьма многихъ.

Страна чрезвычайно предприимчиваго капитала...

Государство фабрикантовъ и рабочихъ, производителей и торговцевъ...

Контора со штатомъ въ 7.000.000 человѣкъ и множествомъ филиальныхъ отдѣленій, особенно у насъ, гдѣ имъ предоставлены всевозможныя концессіи: электрическая, трамвайная, телефонная, газовая, водопроводная...

Все это било въ глаза, звенѣло въ ушахъ и при запамятованіи или слабомъ знаніи исторіи Нидерландскихъ Штатовъ, изъ части которыхъ въ послѣдствіи образовалась Бельгія, давало поводъ огромному большинству видѣть въ бельгийцахъ олицетвореніе акціи, блокноты, векселя, коносаменты, меморандумы, тарифы и чеки.

Между тѣмъ у нихъ есть полное величія прошлое.

Еще знаменитый эллинскій географъ Страбонъ дивился сопротивленію, какое оказали нашествію тевтоновъ чуждые завоевательныхъ стремленій бельгийцы.

Еще Цезарь называлъ ихъ самымъ доблестнымъ народомъ Галліи:

«Belgae, quorum virtus maxima»..

Въ быломъ у нихъ—изумительная борьба въ XVI вѣкѣ съ могущественнѣйшей въ то время Испаніей.

Огненная эпопея, со страницъ которой на васъ глядятъ Эгмонтъ, Горнъ, Вильгельмъ Оранскій, Вильгельмъ ванъ-деръ-Маркъ съ гѣзами, титаническая оборона отъ полчищъ герцога Альбы и тѣ пѣнистыя волны, которыя, какъ иыңъ, хлынули въ прорванныя плотины, топя безудержныхъ пришельцевъ, ибо и тогда рѣшено было принести въ жертву все во имя независимости.

За вѣру и отечество.

«Pro fide et patria».

Анверпень, Брюссель, Гентъ, Лувень, Малинь, Тирлемонъ, Тонгръ, Трондъ—родныя названія!— все это и встарь оглашалось кликами бойцовъ, дымилось въ заревѣ пожара и истекало кровью.

Съ тѣхъ поръ прошло 350 лѣтъ.

Вновь насталь чередъ испытаніямъ.

И Бельгія, сбросивъ съ себя чешую будней, предстала передъ изумленнымъ міромъ, какъ лучезарная героиня, пріавшая терновый вѣнецъ ради права и правды, чтобы воскреснуть въ ореолѣ вѣчнаго преклоненія.

«Мнѣ 60 лѣтъ,—воскликнулъ бельгіецъ въ уличной бесѣдѣ передъ войной,—но это ничуть не помѣшаетъ мнѣ завтра же двинуться со своимъ охотничьимъ ружьемъ навстрѣчу непріятелю!».

Въ этомъ старикѣ, быть можетъ, за день до того дѣловито стучавшемъ на счетахъ и подеодившемъ балансъ,—развѣ вы не узнаете въ немъ любого изъ тѣхъ запечатлѣнныхъ Рембрандтомъ фламандскихъ бюргеровъ, которые запирали свои лавки, снимали фартукъ и, засучивъ рукава, шли на площадь всякій разъ, когда трезвый разумъ и честная совѣсть твердили имъ о не-

обходимости протеста, а упорная воля сообщала ему силу молота?

Бельгія могла бы совершенно не знать ужасовъ нашествія.

Что для этого нужно было?

Пропустить прусскія каски...

Не мѣшать осуществленію ихъ замысла...

И только.

Но бельгіяцамъ казалась нестерпимой даже самая мысль о томъ, что только по желанію и для удобства постороннихъ родина ихъ можетъ опуститься до проходного двора!

Въ результатѣ Бельгія онколя и спекуляци, Бельгія процентовъ и дивиденда, начала безкорыстнѣйшую войну изо всѣхъ, какія только знаетъ исторія, и принесла ничѣмъ не обусловленную величайшую жертву:

Самое себя.

Это требовалось не только достоинствомъ ея, но и честью:

Ст. VII трактата о гарантіяхъ Бельгіи 1831 года, санкціонированнаго всѣми великими державами въ 1839 году и подписаннаго также бельгійскимъ посланникомъ Ванъ-деръ-Вейеромъ, гласить:

Article VII

La Belgique, dans les limites indiquées aux articles I, II, et IV, formera un Etat indépendant et perpétuellement neutre... Elle sera tenue d'observer cette même neutralité envers tous les autres Etats

«Бельгія, въ границахъ, опредѣленныхъ въ ст. I, II и IV, образуетъ независимое и на-вѣки нейтральное государство. Она обязана охранять свой нейтралитетъ отъ посягательства всѣхъ остальныхъ государствъ».

На этомъ документѣ, кромѣ подписей представителей Англи, Франціи и Россіи—Пальмерстона, Себастьяни и ди-Борго—есть подпись представителя Пруссіи, фонъ-Бюлова...

Заключительный листъ трактата о гарантіяхъ Бельгіи.

20 июля 1905 года германскій посланникъ въ Брюссель гр. Вальвницъ произнесъ тостъ, въ которомъ, между прочимъ, коснулся этого акта:

«Какъ добрая сосѣдка,—заявилъ онъ,—Германія съ большимъ интересомъ слѣдитъ за вашимъ развитіемъ. Наши симпатіи къ вамъ обезпечены; онѣ въ полной мѣрѣ совпадаютъ съ нашими интересами. Мы хотимъ видѣть Бельгію одинаково сильной и въ политическомъ и въ экономическомъ отношеніяхъ. Кстати, я долженъ сказать, что для насъ, германцевъ, сохраненіе трактата о гарантіяхъ Бельгіи, заключеннаго при самомъ зарожденіи бельгійскаго государства, является своего рода политической аксіомой; ихъ никто не могъ бы задѣть, не совершая тѣмъ самымъ тягчайшей ошибки.»

20 июля 1914 года германскій посланникъ въ Брюссель фонъ-Флотовъ предъявилъ бельгійскому министру иностранныхъ дѣлъ Давиньону ультиматумъ:

Пропустить германскія войска черезъ бельгійскую территорію!

Требованіе сопровождалось обѣщаніемъ сохраненія независимости и неприкосновенности королевства и угрозой, въ случаѣ отказа, отнестись къ Бельгіи, какъ къ непріятельской странѣ.

На отвѣтъ былъ данъ 12-часовой срокъ.

Она отвѣтила на ультиматумъ, что нарушеніе ею нейтралитета было бы явнымъ насиліемъ надъ правами націи, почему:

«Бельгія въ сознаниіи своего долга твердо рѣшила отразить нападеніе всѣми доступными ей средствами».

Прусскимъ каскамъ пришлось ломиться...

Нарушеніе Германіею нейтралитета Бельгіи, если не рѣшило и безъ того рано или поздно неизбѣжнаго вмѣшательства Англіи, то во всякомъ случаѣ, ускорило

его и, главное, объединило ея общественное мнѣніе, которое до того, въ лицѣ ряда громкихъ именъ съ извѣстнымъ ученымъ Рамзаемъ во главѣ, высказалось въ своемъ воззваніи противъ войны съ Германіей.

Поэтому необходимо остановиться на переговорахъ, предшествовавшихъ вмѣшательству Англии.

II. „Ключекъ бумаги“.

Вопросъ о нейтралитетѣ Бельгии всплываетъ въ нихъ къ тому моменту, когда позиціи Австріи, Россіи и Франціи выяснились съ исчерпывающей опредѣленностью:

Австрія заявила о безповоротности своего рѣшенія «прибѣгнуть къ силѣ».

Россія указала, что не удовлетворится «никакими обязательствами Австріи въ случаѣ ея нападенія на Сербію».

Франція подтвердила готовность дѣйствовать «въ полномъ единеніи съ Россіей».

Германія все время вела двойную игру.

Англія всемѣрно стремилась къ предотвращенію катастрофы, но не соглашалась произнести рѣшительное слово, такъ какъ оно не имѣло бы опоры въ общественномъ мнѣніи:

«Споръ между Сербіей и Австріей не является вопросомъ, по которому мы чувствовали бы потребность произнести свое слово, даже если онъ превратится въ споръ между Австріей и Россіей: это будетъ тогда вопросомъ о верховенствѣ тевтонства или славянства на Балканахъ, между тѣмъ мы

всегда стремились къ тому, чтобы не дать себя вовлечь въ войну изъ-за Балканъ».

Наступаетъ 16 июля.

Германія окончательно раскрываетъ свои карты.

Англія выходитъ изъ неопредѣленнаго положенія:

Германскій посолъ въ Лондонѣ кн. Лихновскій увѣдомляетъ министра иностранныхъ дѣлъ Грѣя, что «канцлеръ Бетманъ-Гольвегъ старается выступить въ роли посредника между Вѣной и Петроградомъ и надѣется на успѣхъ».

Грэй отвѣчаетъ, что «непосредственное соглашеніе между Австріей и Россіей было бы наилучшимъ рѣшеніемъ вопроса».

Но въ тотъ же самый день англійскій посолъ въ Берлинѣ Гошенъ сообщаетъ ему о своей бесѣдѣ съ канцлеромъ:

«Бетманъ-Гольвегъ сказалъ, что, если Австрія подвергнется нападенію со стороны Россіи, европейскій пожаръ можетъ стать неизбѣжнымъ, вслѣдствіе обязательствъ Германіи, какъ союзника Австріи, несмотря на ея продолжающіяся усилія сохранить миръ. Затѣмъ онъ привелъ слѣдующій сильный аргументъ въ пользу невмѣшательства Англіи. Главный принципъ англійской политики, поскольку канцлеръ можетъ объ этомъ судить, былъ тотъ, что Англія не можетъ ни въ коемъ случаѣ допустить разгрома Франціи въ какомъ бы то ни было конфликтѣ. Но Германія къ этой цѣли и не стремится. Если невмѣшательство Англіи будетъ обезпечено, англійскому правительству будутъ даны всяческія гарантіи, что Германія не стремится къ территоріальнымъ приобрѣтеніямъ за счетъ Франціи... Я спросилъ о французскихъ колоніяхъ. Бетманъ-Гольвегъ сказалъ, что въ этомъ отно-

шени: онъ не можетъ дать такого же обязательства. Вступить ли Германия въ Бельгію,—будетъ зависѣть отъ пожеланія Франціи. Но по окончаніи войны принципъ неприкосновенности Бельгіи будетъ уважаться, если только она не пойдетъ противъ Германіи».

Грэй возмущенъ:

«Правительство его величества,—не можетъ согласиться на предложеніе канцлера связать себя обязательнымъ нейтралитетомъ на его условіяхъ. Въ самомъ дѣлѣ: онъ требуетъ отъ насъ обязательства смотрѣть равнодушно, какъ у Франціи будутъ отнимать ея колоніи, какъ она будетъ разбита. И такъ до тѣхъ поръ, пока Германия не отниметъ французской территоріи и не въ колоніяхъ. Было бы позоромъ для насъ заключать эту сдѣлку съ Германіей за счетъ Франціи,—позоромъ, отъ котораго доброе имя нашей страны не очистилось бы никогда. Требуютъ также, чтобы мы продали тѣ обязательства и тѣ интересы, которые связаны съ нейтралитетомъ Бельгіи. Мы не можемъ вступить въ такой торгъ».

Извѣстія о мобилизаціи въ Россіи и объ объявленіи «Kriegsgefahr» въ Германіи заставляютъ Грэя немедленно запросить Германію и Францію объ ихъ отношеніи къ нейтралитету Бельгіи:

«Правительство его величества считаетъ необходимымъ въ виду существующихъ договоровъ спросить, готово ли германское (французское) правительство дать обязательство соблюдать нейтралитетъ Бельгіи, пока его не нарушитъ другая держава».

Приписка посламъ:

«Крайне важно получить скорый отвѣтъ».

Отвѣтъ Франціи:

«Правительство рѣшило соблюдать нейтралитетъ

Бельгии и только въ случаѣ нарушенія его другой державой могло бы очутиться передъ необходимостью, въ цѣляхъ обезпеченія безопасности своей страны, поступить иначе».

Отвѣтъ Германіи заключался въ умолчаніи его:

Германскій министръ иностранныхъ дѣлъ фонъ-Яговъ заявилъ, что не можетъ отвѣтить безъ предварительнаго совѣщанія съ Бетманъ-Гольвегомъ и императоромъ, указавъ при этомъ, что самая возможность отвѣта представляется сомнительной, такъ какъ «это раскрыло бы военные планы Германіи»...

Грэй удрученъ:

«Отвѣтъ Германіи относительно нейтралитета Бельгии—чрезвычайно прискорбное событіе, ибо нейтралитетъ Бельгии затрагиваетъ чувства нашей страны. Если бы Германія нашла возможнымъ дать такую же гарантію, какая дана была Франціей, это принесло бы существенное облегченіе нашему безпокойству и напряженію. Съ другой стороны, если бы одна изъ воюющихъ державъ нарушила нейтралитетъ Бельгии въ то время какъ другая уважала бы его, сдержать негодованіе въ нашей странѣ было бы чрезвычайно трудно».

Это было 19 іюля.

«Мы соображаемъ, должно ли заявить завтра въ парламентъ, что нарушеніе нейтралитета Бельгии Германіею создастъ для насъ casus belli».

21 іюля Грэй произноситъ въ парламентъ свою историческую рѣчь:

«Тутъ шель вопросъ о нейтралитетѣ Бельгии. Въ немъ мы теперь столь же сильно заинтересованы, какъ и въ 1870 году. И мы не можемъ менѣе серьезно смотрѣть на наши обязательства въ этомъ направленіи, чѣмъ это сдѣлалъ Гладстонъ. Онъ сказалъ тогда:

«мы несравненно больше заинтересованы въ независимости Бельгии, чѣмъ въ буквальномъ дѣйстви трактата о гарантіяхъ. Это ясно изъ отвѣта на вопросъ, стояло ли бы наше столь вліятельное и могущественное государство въ сторонѣ при соотвѣтствующихъ случаю обстоятельствахъ и осталось ли бы оно простымъ свидѣтелемъ тягчайшаго изъ преступленій, какое когда-либо запятнало страницы исторіи, превратившись, такимъ образомъ, въ соучастницу этого преступления».

Ораторъ оглашаетъ депешу короля Альберта къ королю Георгу съ просьбой о дипломатическомъ вмѣшательствѣ для огражденія неприкосновенности Бельгии и подѣ рукоплесканія всей палаты кончаетъ выраженіемъ увѣренности, что когда общественное мнѣніе отдастъ себѣ отчетъ въ томъ, что поставлено на карту, правительство найдетъ твердую поддержку у всѣхъ и во всемъ.

Въ перерывѣ, при напряженнѣйшемъ вниманіи комонеровъ, докладывается ультиматумъ Германіи, обращенный къ Бельгии (возгласы негодованія) и отвѣтъ на него (громкое одобреніе).

«Правительство его величества относится къ этому сообщенію самымъ серьезнымъ образомъ и я воздержусь отъ дальнѣйшихъ комментаріевъ».

22 іюля Грэй телеграфируетъ посланнику въ Брюссель Вильерсу:

«Извѣстите бельгійское правительство, что въ случаѣ давленія на него со стороны Германіи съ цѣлью добиться нарушенія Бельгіею нейтралитета, правительство его величества ожидаетъ съ его стороны всемирнаго сопротивленія и въ этомъ случаѣ, если нужно будетъ, даже готово примкнуть къ Франціи и Россіи, чтобы предложить бельгійскому правительству немед-

ленное совмѣстное содѣйствіе въ цѣляхъ сопротивленія выступившей противъ него съ оружіемъ въ рукахъ Германіи и сохраненія независимости и неприкосновенности Бельгіи въ будущемъ».

Тогда же, извѣщенный о появленіи германцевъ у Греммениха, Грэй телеграфируетъ послу въ Берлинъ:

«Въ виду отказа Германіи дать намъ относительно Бельгіи такое же обязательство, какое дано было Франціей, вы должны повторить это требованіе и просить, чтобы удовлетворительный отвѣтъ на него данъ былъ сегодня до 12 часовъ ночи. Въ противномъ случаѣ вамъ предлагается потребовать свои паспорта и заявить, что правительство его величества считаетъ себя вынужденнымъ препринять всѣ шаги, какіе оно будетъ въ силахъ, для обезпеченія нейтралитета Бельгіи и соблюденія трактата о гарантіяхъ, къ которому Германія имѣетъ такое же касательство, какъ и мы».

На вопросъ посла, намѣрена ли Германія уважать нейтралитетъ Бельгіи, министръ иностранныхъ дѣлъ отвѣтилъ отрицательно, присовокупивъ, что германскія войска уже вступили на бельгійскую территорию.

— Нарушеніе территоріальной неприкосновенности Бельгіи,—продолжалъ онъ,—продиктовано необходимою: надо проникнуть во Францію самымъ краткимъ и легкимъ путемъ, чтобы значительно опередить ея военныя операци и нанести ей, возможно скорѣе, рѣшительный ударъ. Для Германіи это вопросъ жизни или смерти. Сколько бы мы потеряли времени, если искать проникновенія съ юга, гдѣ движеніе наше было бы замедлено малымъ числомъ дорогъ и сильными крѣпостями. Такая проволочка опасна, такъ какъ дала бы Россіи время сосредоточить войска на германской границѣ. Надо помнить, что главный козырь Герма-

ни—быстрота, а России—неисчерпаемое количество войск.

Посоль замѣтилъ, что нарушеніе нейтралитета Бельгии—фактъ очень серьезный и древатый послѣдствіями, почему выразилъ надежду, что германское правительство измѣнитъ къ полуночи рѣшеніе и отзоветъ войска изъ Бельгии.

Фонъ-Яговъ отвѣтилъ, что рѣшеніе правительства безповоротно.

Посоль удалился, заявивъ, что ему ничего не остается, какъ просить возврата паспортовъ.

Послѣ этого разговора, происходившаго въ 7 часовъ вечера, посоль посѣтилъ канцлера.

Бетманъ-Гольвегъ, видимо, разстроенный, встрѣтилъ его слѣдующими словами:

— Неужели изъ-за звука пустого, изъ-за одного слова «нейтралитетъ», которое не разъ ни во что не ставили въ военное время, неужели изъ-за простого клочка бумаги Англія станетъ воевать?!

Посоль отвѣтилъ:

— Вы забываете, что на этомъ клочкѣ бумаги имѣется наша подпись...

— Ваше ужасное рѣшеніе уничтожаетъ всѣ старанія мои въ этомъ направленіи, и все политическое зданіе, которое я строилъ со времени вступленія въ должность, рушится, какъ карточный домикъ. Поступокъ Англіи невѣроятенъ. Это—ударъ въ спину человѣку, защищающему жизнь противъ двухъ нападающихъ. Я возлагаю на Англію всю отвѣтственность за ужасныя событія, которыя могутъ послѣдовать.

Посоль возразилъ, что, если нарушеніе нейтралитета Бельгии—вопросъ жизни или смерти для Германіи, то защита этого нейтралитета—точно такой же вопросъ

для чести Англии и что боязнь послѣдствій не оправдываетъ нарушенія международныхъ обязательствъ.

Въ 9 часовъ вечера посоль отправилъ телеграфное донесеніе объ изложенномъ въ Лондонъ, но депеша его не была передана по назначенію.

Черезъ полчаса къ послу явился товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ, отъ котораго онъ потребовалъ къ полуночи категорическаго отвѣта, будетъ ли уваженъ нейтралитетъ Бельгіи, или нѣтъ?

Тотъ отвѣтилъ, что требованіе равносильно объявленію войны, такъ какъ удовлетворить его Германия не можетъ, и удалился, оставивъ на столѣ вечернее прибавленіе къ «Berliner Tageblatt», въ которомъ сообщалось объ объявленіи Англиею войны...

III. Почему германцы двинулись черезъ Бельгію?

Въ общихъ чертахъ отвѣтъ данъ въ вышеупомянутомъ заявленіи министра иностранныхъ дѣлъ.

Для исчерпывающаго объясненія необходимо добавить:

Разстояніе до Парижа при слѣдованіи непосредственно изъ Германии, отъ Эльзаса и Лотарингіи, почти такое же, какъ при слѣдованіи изъ Германии отъ Рейнской провинціи черезъ Бельгію (350 верстъ), между тѣмъ желѣзнодорожная сѣть въ Эльзасѣ и Лотарингіи гораздо менѣе развита, чѣмъ въ Бельгіи...

Вторженіе во Францію черезъ Эльзасъ и Лотарингію преграждается не только Вогезскимъ кряжемъ,

форсированіе котораго сопряжено съ необходимостью раздробленія силъ, но и крѣпостями Верденъ, Туль, Эпиналь и Бельфоръ, связанными другъ съ другомъ множествомъ фортовъ-заставъ, тогда какъ сѣверная граница Франціи,—съ Бельгіей,—обнажена: здѣсь нѣтъ ни горъ, ни крѣпостей, которыя (С.-Омеръ, Дуэ, Аррасъ, Камбре, Валансьенъ) были упразднены именно въ расчетъ на то, что тутъ Францію прикрываетъ нейтралитетъ Бельгіи...

Армія въ 1.250.000 человѣкъ, съ какой германцы пошли на нашего союзника, должна занять фронтъ въ 375 верстъ, такъ что при вторженіи во Францію черезъ Эльзась-Лотарингію имъ не хватило бы мѣста для развертыванія, а тѣмъ болѣе для столь излюбленнаго ими обходнаго движенія: длина франко-германской границы равна 250 верстамъ...

Совокупностью всѣхъ этихъ условій и объясняется, почему германцы двинулись черезъ Бельгію.

IV. «Бельгійцы, поднимайтесь!»

Подъ такимъ общимъ заглавіемъ 22 іюля вышла старѣйшая бельгійская газета «Indépendance Belge» («Бельгійская независимость»).

Передовая статья «Бельгійцы, поднимайтесь!» набатомъ звала народъ къ отпору насильникамъ:

«Бельгійцы, отечество въ опасности! Бельгійцы, поднимайтесь всѣ для защиты и охраненія свободы той земли, которая вѣками оплодотворялась нашей кровью, земли, которую наши отцы освободили 84 года тому назадъ, изъ которой мы послѣ 75-лѣтнихъ усилій

создали богатую и процвѣтающую страну. Бельгійцы, вѣдь дѣло идетъ сейчасъ о томъ, останемся ли мы народомъ свободнымъ, народомъ, достойнымъ своего прошлаго! Волнение сжимаетъ намъ горло, когда мы лихорадочно пишемъ эти строки. Въ нашихъ наиболѣе пессимистическихъ предвидѣнiяхъ мы все же не осмѣливались предусматривать то, что совершалось. Когда въ теченiе ряда лѣтъ мы настаивали здѣсь, что гарантiя нашей нейтральности имѣеть лишь то значенiе, какос создадутъ ей обстоятельства, мы не осмѣливались предполагать, чтобы когда-нибудь появилась угроза въ такой рѣзкой, въ такой грубой формѣ. Въ воскресенъе, вечеромъ, германскiй посланникъ въ Брюссель вручилъ отъ имени своего правительства ультиматумъ бельгiйскому министру иностранныхъ дѣлъ. Германiя давала намъ срокъ до 7 часовъ утра понедѣльника, чтобы вступить съ ней въ соглашенiе для облегченiя ея военныхъ операцiй противъ Францiи!.. Это значило предложить Бельгiи самой нарушить нейтралитетъ, принятый ея международными обязательствами, двинуть ея армию противъ сосѣдней нацiи, которая была намъ дружественной въ той же мѣрѣ, какъ и германская, противъ страны, помогшей намъ въ 1831 году основать независимую Бельгiю и еще третьяго дня давшей намъ увѣренiя, что она будетъ уважать нашу территорию и нашъ нейтралитетъ. Король, министры и начальникъ генеральнаго штаба совѣщались всю ночь. Утромъ былъ вынесенъ отвѣтъ, единственный, какой могъ быть данъ: вся бельгiйская нацiя единодушно и непоколебимо рѣшилась защищаться до конца! Довѣрiе короля и правительства къ патрiотизму и мужеству нацiи не будетъ обмануто. Бельгiйцы, желающiе оставаться бельгiйцами: на-

ступилъ часъ исполнить вашъ долгъ, весь вашъ долгъ до конца!»

Другая передовая статья, гдѣ излагались главныя событія дня, заканчивалась увѣренностью въ лояльности другихъ державъ, гарантирующихъ бельгійскій нейтралитетъ:

«Ихъ обязанность помочь угрожаемой Бельгии. Нарушеніе нашего нейтралитета—фактъ совершившійся; армія добросовѣстно выполнить сею задачу. Но если она принуждена будетъ уступить числу, то мы найдемъ еще въ Европѣ друзей, которые уважаютъ данное ими слово, которые будутъ бокъ-о-бокъ съ нами въ тотъ рѣшительный часъ, когда для всѣхъ будетъ ставится вопросъ: побѣдить или умереть».

Настроеніе во всей странѣ поднялось.

На всѣхъ лицахъ замѣтно было глубокое возбужденіе.

Разговоры велись на одну тему, и всѣ выражали увѣренность, что армія окажется на высотѣ положенія.

Король Альбертъ вручилъ знамена делегации офицеровъ вновь сформированныхъ полковъ и при этомъ обратился къ нимъ съ рѣчью:

«Независимости страны угрожаетъ опасность. Но я всецѣло полагаюсь на ваши полки. Довѣряю вамъ эти знамена, эмблемы независимости страны, и приглашаю полки сплотиться вокругъ нихъ. Выразите имъ горячія чувства, которыя насъ одушевляютъ. Я всецѣло преданъ нашей прекрасной національной арміи. Душой и сердцемъ я съ вами!»

У. Льежъ.

Съ фабрикъ и заводовъ было взято 40.000 рабочихъ.

Они спѣшно стали укрѣплять интервалы между фортами, рыть траншеи, ставить проволочныя загражденія.

Къ надзору за работами по приглашенію главнаго штаба, переданному черезъ «Союзъ инженеровъ, окончившихъ курсъ въ Льежѣ», были привлечены студенты старшихъ курсовъ, въ томъ числѣ и русскіе.

Тоннели между германской границей и Льежомъ (дорога идетъ отрогами Арденнскихъ горъ) были взорваны.

Въ нѣкоторыя, помимо этого, пускали съ двухъ сторонъ локомотивы подъ всѣми парами, которые, сталкиваясь, разбивались и, такимъ образомъ, загромождали путь.

Этимъ объясняется, что въ обстрѣлѣ фортовъ не принимали участія новыя 16-дюймовыя мортиры, а только обыкновенныя осадныя пушки, которыя можно было провезти по шоссейнымъ дорогамъ.

Нѣкоторыя форты были окончены лишь въ 1911 году и вполнѣ отвѣчали требованіямъ современной техники: желѣзо-бетонъ, бронированныя поднимающіяся башни.

Всѣ автомобили были взяты въ армію.

Даже крупныя собаки были реквизированы для перевозки пулеметовъ.

Дворы дѣтскихъ садовъ и школъ были завалены громадными массами сѣна и соломы.

На всѣхъ общественныхъ зданіяхъ появился флагъ Краснаго Креста.

На бульварахъ была сосредоточена масса артиллерійскихъ повозокъ.

Лошади стояли тутъ же.

Здѣсь же на землѣ спали солдаты.

Дома и другія постройки, мѣшавшія стрѣльбѣ съ фортовъ, были сожжены или взорваны динамитомъ: такъ, около одного изъ фортовъ была уничтожена цѣлая деревушка изъ 130 домовъ и церкви.

Между тѣмъ германцы безъ сопротивленія заняли Вервѣ и быстро подвигались къ Льежу.

Приблизившись къ крѣпости, они пытались навѣсти понтонный мостъ у Визе, гдѣ желѣзнодорожный мостъ былъ взорванъ.

Форты мѣшали имъ.

Началась бомбардировка фортовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ атаки на интервалы.

Съ потерями совершенно не считались.

Части, побывавшія нѣсколько часовъ въ огнѣ, отводились назадъ и замѣнялись новыми, такъ что атакующіе были всегда свѣжими, тогда какъ защита все время была въ огнѣ и не могла имѣть (въ виду отсутствія резервовъ) ни минуты отдыха.

Гарнизонъ въ Льежѣ состоялъ всего изъ 35.000 человекъ,—у германцевъ было почти 3 корпуса,—но, несмотря на неравенство силъ, бельгійцы защищались удачно: на второй день осады VII германскій корпусъ былъ разбитъ вылазкой гарнизона и отброшенъ за линію фортовъ, къ голландской границѣ.

Ежеминутно изъ интерваловъ между фортами и отъ фортовъ мчались автомобили съ ранеными.

Населеніе держалось съ удивительнымъ самообладаніемъ.

Никакой растерянности, никакой паники въ городѣ

не было, и жизнь текла своимъ обычнымъ порядкомъ: ходили трамваи вплоть до послѣдняго дня; кафэ, кромѣ большихъ мюзикъ-голловъ, превращенныхъ въ лазареты, были открыты.

Послѣ того какъ гарнизонъ Льежа блестяще отразилъ первыя стремительныя атаки германцевъ, французскій министръ иностранныхъ дѣлъ Думергъ обратился къ президенту Пуанкарэ съ письмомъ:

«Господинъ президентъ! Въ моментъ, когда Германія, произвольно нарушая признанный международными договорами нейтралитетъ Бельгии, не поколебалась совершить нашествіе на бельгійскую территорию, городу Льежу, призванному въ первую очередь войти въ соприкосновение съ германскими войсками, удалось въ неравномъ и героическомъ бою отразить вторгшуюся въ страну армію. Этотъ блестящій военный успѣхъ устанавливаетъ для Бельгии и въ особенности для города Льежа право на славу, которую французскому правительству приличествуетъ увѣковѣчить, даруя городу Льежу орденъ Почетнаго Легіона. Въ виду сказаннаго я имѣю честь просить васъ соизволить скрѣпить своей подписью прилагаемый при семъ проектъ декрета, одобреннаго совѣтомъ ордена Почетнаго Легіона и постановляющаго, что городу Льежу даруется орденъ Почетнаго Легіона».

На пятый день осады, 27 іюля, германцы, понесшіе громадный уронъ, усилили натискъ: 15.000 человекъ бросались въ одинъ пунктъ, гдѣ ихъ встрѣчалъ убійственный огонь съ шанцевъ и изъ загражденій.

Сраженіе,—передаетъ очевидецъ,—велось при лунномъ свѣтѣ.

Ужасное зрѣлище открывалось глазамъ зрителя, то и дѣло ослѣпляемымъ лучами прожекторовъ съ фор-

товъ: видно было, какъ германцы медленно подвигались впередъ, ползкомъ подбираясь къ фортамъ, скорѣ съ покорностью судьбѣ, нежели съ одушевлениемъ.

Впередъ они послали саперовъ для разрушенія проволочныхъ загражденій, а прочіе наступающіе лежали ничкомъ, плотно прижавшись къ землѣ.

Контуры фортовъ четко вырисовывались на темно-синемъ небосклонѣ.

Кровопролитіе было чудовищное.

Кому удавалось добраться живымъ, тѣ судорожно карабкались на окопы, но въ большинствѣ были сметены прочь огнемъ орудій, выпускавшихъ по 20 выстрѣловъ въ минуту.

Во многихъ пунктахъ нападающіе гибли доединаго.

Въ ночь съ 5 на 6 августа канонада достигла высшаго напряженія: трескотня ружей и пулеметовъ, выстрѣлы полевыхъ пушекъ въ интервалахъ, глухіе звуки тяжелыхъ орудій,—все это сливалось въ непрерывный гулъ.

Наконецъ, послѣ страшныхъ усилій германцамъ удалось прорваться въ одинъ изъ интерваловъ и поставить тамъ свою артиллерию.

Снаряды стали падать въ самую городѣ, жители котораго начали перебираться въ подвалы, снося туда всѣ свои пожитки.

Надъ Льежомъ стояли клубы дыма.

Ярко пылали нѣсколько домовъ, но никто не пытался тушить пожаръ.

Изъ предмѣстьевъ бѣжали многочисленные группы людей.

Лишь у нѣкоторыхъ были въ рукахъ узелки,—большинство бѣжало, въ чемъ было.

Оттуда же гнали скоть.

Черезъ мость вскачъ пронеслась артиллерія.

Кучка горячо привѣтствованныхъ германцевъ, которыхъ толпа приняла за англичанъ, проникла въ помѣщеніе главнаго штаба.

Бельгійскій лейтенантъ, узнавшій, что это были германцы, выстрѣлилъ въ нихъ издали и бросился къ помѣщенію, которое занималъ комендантъ Льежа, Леманъ, крича:

— Генераль, это германцы!

Онъ тутъ же упалъ, сраженный нѣсколькими пулями.

Леманъ взялся за револьверъ, но одинъ изъ офицеровъ, человекъ незаурядной физической силы, сказавъ, что жизнь генерала нужна для дальнѣйшей обороны города, перебросилъ его черезъ низкую каменную стѣнку, отдѣлявшую дворъ дома, занятаго главнымъ штабомъ отъ другихъ домовъ, и, такимъ образомъ, спасъ его отъ пуль.

Германцы были перебиты, и главный штабъ, немедленно переведенный въ другое мѣсто, продолжалъ руководить защитой.

Когда 6 правобережныхъ фортовъ были взяты и самый городъ очутился въ рукахъ германцевъ, 6 лѣвобережныхъ фортовъ продолжали еще держаться, обстрѣливая всѣ пути, по которымъ прибывали германскіе войска и обозы.

Взять ихъ ускоренными атаками, даже съ большими потерями, не представлялось возможнымъ.

Германцы рѣшили подвезти осадную артиллерію и бомбардировкой привести форты къ молчанію.

Непріятельская пѣхота постепенно обложила форты на большомъ разстояніи, изолируя одинъ отъ другого; владѣя промежутками между ними, противникъ ночью

могъ провезти черезъ нихъ нѣсколько батарей осадной артиллеріи, пользуясь дорогами, менѣе подверженными

Бывшій комендантъ Льежа, генераль Леманъ.

огню съ фортовъ, и началъ бомбардировку послѣднихъ какъ съ фронта, съ дальняго разстоянія, такъ и со сто-

роны тыла, который не былъ подготовленъ къ тому, чтобы выдерживать огонь въ такомъ направленіи.

VI. Фортъ Лонсенъ.

Вскорѣ фортъ Лонсенъ, въ которомъ находился генераль Леманъ, оказался совершенно отрѣзаннымъ; днемъ и ночью громили его, пока въ этомъ ульѣ изъ бетона и желѣза каждый съ полнымъ рвеніемъ и спокойствіемъ исполнялъ свое дѣло.

Орудія въ броневыхъ куполахъ успѣшно боролись съ неприятельскими батареями, расположеніе которыхъ удалось точно опредѣлить.

Неприятельскіе снаряды съ ужаснымъ трескомъ разрывались въ фортѣ, не причиняя никакого вреда.

Артиллеристы мужественно обслуживали орудія и поклялись генералу Леману умереть на своемъ посту.

Тѣмъ не менѣе пребываніе въ фортѣ становилось тяжкимъ: разрушеніе генераторовъ повело за собою отсутствіе электрическаго освѣщенія; въ темныхъ коридорахъ, въ на-глухо блиндированныхъ казематахъ и погребехъ, вслѣдствіе порчи вентиляціонныхъ трубъ, воздухъ становился тяжелымъ, пропитаннымъ ѣдкимъ запахомъ порохового дыма; вмѣстѣ съ гнетущей атмосферой, особеннымъ ожесточеніемъ и непреклонной рѣшимостью на почернѣлыхъ лицахъ защитниковъ, вся обстановка на форту носила истинно героическій отпечатокъ.

Каждую минуту 2, 3, а иногда и 4 снаряда съ трескомъ, подобнымъ грому, обрушивались на центральной массивъ форта; языки пламени и клубы желтаго дыма проникали всюду, въ малѣйшія отверстія.

Не зная расположенія новыхъ батарей, куполы не могли стрѣлять.

Артиллерійская прислуга была собрана въ нижнихъ помѣщеніяхъ форта, за исключеніемъ наружныхъ часовыхъ, долженствовавшихъ подать сигналъ въ случаѣ появленія штурмующаго противника.

Весь гарнизонъ собрался въ обширной центральной галлерей, сводъ которой толщиною въ 3 метра доставлялъ прочное обезпеченіе отъ огня, тогда какъ фронтальные и тыловые казематы оказались обитаемыми.

Генераль Леманъ, маоръ Неценсъ и всѣ офицеры, обходили людей, обращаясь къ нимъ съ ободряющимъ словомъ.

Пользуясь короткимъ перерывомъ въ огнѣ, ночью осматрѣли состояніе куполовъ: въ большихъ были замѣтны лишь незначительныя поврежденія—мѣстами осколки снарядовъ заклинились между фронтальной броней и куполомъ—и съ ослабленіемъ огня ихъ можно легко снова привести въ боевую готовность; башни малыхъ скорострѣльныхъ орудій вовсе не пострадали, вслѣдствіе чего явилась увѣренность въ отраженіи штурма.

Съ разсвѣтомъ бомбардировка возобновилась.

Гарнизонъ попрежнему былъ невредимъ и занялся тушеніемъ возникшаго мѣстами пожара отъ загорѣвшейся деревянной обшивки; среди людей царила полная вѣра въ успѣхъ; они спокойно принимались за обѣдъ; нѣкоторые, падая отъ усталости, крѣпко спали, несмотря на адскій шумъ.

Въ галлерей ощущалась духота отъ проникавшаго въ нее дыма, но мужество не покидало защит-

никовъ; каждый былъ готовъ броситься къ своему посту: ночью ждали штурма

Защитники Льежа.

Вдруг послѣ полудня весь фортъ содрогнулся отъ страшнаго взрыва: взорвался пороховой погребъ, въ которомъ хранились заряды,—вѣроятно, отъ незамѣчнаго своевременно пожара.

Разрушеніе отъ взрыва не поддается описанію: обрушилась вся средняя часть форта въ невѣроятномъ облакѣ огня, дыма и пыли; подъ глыбами камня, обломками бетона и стальныхъ куполовъ была погребена большая часть гарнизона, уже пострадавшаго и отъ самого взрыва; во всѣ отверстія врывались удрушительныя газы.

Послѣ взрыва наступила мертвая тишина...

Артиллерія противника замолчала, и внезапно со всѣхъ сторонъ начала показываться неприятельская пѣхота, приближавшаяся къ развалинамъ форта; она проникла въ галерею, отыскивая оставшихся въ живыхъ защитниковъ, и наткнулась на лежавшаго безъ сознанія генерала Лемана, котораго адъютантъ и нѣсколько уцѣлѣвшихъ ординарцевъ старались высвободить изъ подъ обломковъ; его положили на носилки и вынесли въ поле, гдѣ врачъ подавалъ ему помощь.

Германцы продолжали поиски раненыхъ при свѣтѣ факеловъ и фонарей.

Въ одной галереѣ, уцѣлѣвшей отъ взрыва, раздалось нѣсколько выстрѣловъ; солдаты бросились туда и передъ глазами ихъ открылась потрясающая картина: горсть защитниковъ форта, 25-30 человекъ, столпились въ галереѣ; сквозь облако дыма ихъ трудно было различить: черные, окравленные, съ одеждою въ лохмотьяхъ, эти люди еще уцѣпились руками за разбитыя ружья,—готовые погибнуть, но не сдаться; наполовину угорѣвшіе, раненые и искалѣченные,—они еще хотѣли защищаться...

Сцена была настолько потрясающая, что германцы бросили оружіе и кинулись на помощь этимъ защитникамъ, тутъ же потерявшимъ сознаніе отъ угара.

Изъ 500 человекъ 350 были убиты, свыше 100 оказались тяжело ранеными...

Оборона эта на всѣ времена послужитъ примѣромъ защитѣ крѣпости гарнизономъ, предпочитающимъ смерть сдачѣ.

«Послѣ цѣлаго ряда упорныхъ боевъ,—рапортовалъ королю Альберту генералъ Леманъ,—я пришелъ къ заключенію, что форты Льежа могутъ играть роль

Развалины форта Лонсень.

лишь временной задержки. Тѣмъ не менѣе я сохранилъ военное управленіе, дабы не нарушать согласованности оборонительныхъ мѣръ и оказать нравственное воздѣйствіе на духъ гарнизона. Я находился 24 часа на форту Лонсенъ. Онъ былъ взорванъ, при чемъ большая часть защитниковъ погибла подъ развалинами. Чины штаба вынесли меня изъ форта, гдѣ я отравился пороховыми газами, и отнесли въ траншеи. Здѣсь германскій капитанъ далъ мнѣ пить и взялъ меня въ плѣнъ. Высоко чтя наше оружіе, я не сдавалъ крѣпости. Благоволите простить меня, государь. Всѣ помыслы мои были всегда съ Бельгіей и моимъ коломемъ».

VII. „Воздавая высокую хвалу“...

Германцы думали, что Льежъ, можетъ быть взятъ пожарными изъ Дюссельдорфа...

Между тѣмъ эта сравнительно слабая крѣпость задержала ихъ какъ разъ на тѣ 16 дней, въ теченіе которыхъ они рассчитывали быть въ Парижѣ.

Такимъ образомъ, союзникамъ была оказана не поддающаяся учету, колоссальная услуга:

Французы успѣли завершить мобилизацію и сосредоточеніе своихъ силъ.

Англичане—высадить на континентъ и доставить въ назначенный районъ свой экспедиціонный корпусъ.

Германія, представлявшая себѣ Бельгію, какъ проходной дворъ, доступъ въ который въ крайнемъ случаѣ преграждается плетнемъ, была ошеломлена и, по началу судя о продолженіи, черезъ посредство Гол-

ланди сдѣлала Бельгін строго конфиденціальное предложение:

«Германскія войска,—указывалось въ этой нотѣ,—скрѣпя сердце, вступили въ бой съ доблестной бельгінской арміей. Сожалѣніе германскаго правительства по поводу того, что германцы были вынуждены сражаться съ бельгійцами не имѣть границъ. Теперь, однако, насталъ къ счастью благоприятный моментъ, когда кровопролитіе между Германіей и Бельгіей можетъ быть прекращено. Лежь взять германской арміей, и германское правительство искренно желаетъ предупредить возможность дальнѣйшихъ сражений между германскими и бельгійскими войсками. Воздавая высокую хвалу геройству Бельгии и отмѣннымъ качествамъ бельгійской арміи, Германія предлагаетъ Бельгии заключить мирное соглашение въ любой формѣ. Если бельгійское правительство приметъ это предложение, то Германія съ своей стороны готова а priori принять на себя нижеслѣдующія обязательства:

- 1) Эвакуировать изъ Бельгии по окончаніи войны всѣ германскія войска.
- 2) Помочь Бельгии уладить ея разногласія съ Франціей.
- 3) Предоставить Бельгии земельное вознагражденіе.

Ознакомившись съ содержаніемъ этой ноты, бельгійское правительство уполномочило Голландію передать отвѣтъ:

«Вина въ нарушеніи бельгійскаго нейтралитета лежитъ на Германіи. Предложеніе, сдѣланное ею черезъ посредство Голландіи, категорически отклоняется. Извѣщая объ этомъ Германію, бельгійское правительство считаетъ необходимымъ присовокупить, что о содер-

жани германскаго предложенія доведеть до свѣдѣнія всѣхъ дружественныхъ державъ».

Утвердившись въ Льежѣ, побѣдители наложили на население города и провинціи контрибуцію въ 50 милліоновъ франковъ.

Въ качествѣ заложниковъ и гарантіи въ томъ, что население воздержится отъ враждебныхъ дѣйствій были взяты буромистръ, епископъ, нѣсколько сенаторовъ и рядъ виднѣйшихъ общественныхъ дѣятелей.

Многіе изъ нихъ безъ малѣйшаго повода подверглись разстрѣлу.

Оставшихся заключили въ губернаторскій домъ. Одна изъ роскошныхъ комнатъ этого зданія была превращена въ казарму для часовыхъ.

Солдаты спали на пушистыхъ коврахъ.

По ночамъ всѣ окна во всѣхъ домахъ должны были быть освѣщены.

Никто не имѣлъ права передвигать лампы или свѣчи.

Иначе — разстрѣлъ.

Повсюду рыскали патрули и разѣзжали автомобили съ солдатами, производившими обыски, безрезультатность которыхъ часто не спасла жителей отъ разстрѣла.

Волокли на улицу, ставили къ стѣнѣ и давали залпъ.

Такъ какъ правые форты Льежа были взяты значительно раньше лѣвыхъ, то правобережные германскія войска ушли впередъ къ Намюру.

Бомбардировка началась 6 августа и длилась три дня и двѣ ночи.

Поражала великолѣпная освѣдомленность герман-

цевъ во всемъ, что касалось расположенія различныхъ частей этой крѣпости.

Они поддерживали частый концентрированный огонь по наиболѣе уязвимымъ мѣстамъ.

Тайна этой освѣдомленности вскорѣ разъяснились:

Авиаторамъ удалось перехватить депешу, посланную по беспроволочному телеграфу въ Намюръ и адресованную германцами своему шпиону, отъ котораго они требовали болѣе точныхъ сообщеній о позиціяхъ.

Обстрѣлъ былъ настолько непрерывенъ, что не было ни малѣйшей возможности производить исправленія.

Можно себѣ составить нѣкоторое представленіе о количествѣ выпущенныхъ снарядовъ на основаніи того факта, что, напримѣръ, въ фортъ Сюэрле было выпущено менѣе, чѣмъ въ трое сутокъ, 3,300 снарядовъ вѣсомъ каждый въ 350 килограммовъ.

Отъ цитадели не уцѣлѣло ничего.

Взорвавъ предварительно фортъ Коноль, совершенно обезсиленный гарнизонъ отступилъ.

Между тѣмъ лѣвобережняя германскія войска увязли—и не только оттого, что, потерпѣвъ неудачу въ многочисленныхъ попыткахъ взять лѣвые форты Льежа штурмомъ, они были вынуждены ограничиться тѣснымъ обложешемъ и бомбардировкой.

Имъ преграждалъ путь король Альбертъ.

Онъ прикрывалъ Брюссель и съ необычайной энергіей трепалъ германцевъ, которые стремились продвинуться къ столицѣ, чтобы выровнять свой ломанный фронтъ.

Такъ развернулись упорные бои въ районѣ Тирлемона и Диста.

Нанеся противнику нѣсколько тяжкихъ ударовъ, бельгинцы не могли долго противостоять напору все

Бельгійская пѣхота въ походѣ.

болѣе возраставшихъ непріятельскихъ силъ, и вскорѣ дорога на Брюссель была открыта...

VIII. Въ Брюссель.

Вечеромъ 7 августа въ Брюссель было выпущено официальное сообщеніе:

«Затративъ много времени и понеся большой уронъ въ людяхъ и матеріалѣ, германцы успѣли овладѣть территоріей по обѣ стороны Мааса.

«Непріятельскія силы къ сѣверу отъ Мааса, составленныя изъ разныхъ частей, важнѣйшей цѣлью которыхъ былъ Льежъ, благодаря своей конницѣ сумѣли распространиться на сѣверъ и югъ.

«На югѣ германская конница наткнулась на бельгійскія и французскія войска и была отброшена назадъ, на сѣверѣ она имѣла просторъ, и произвела много смѣлыхъ набѣговъ на равнинѣ.

«Германцы овладѣли подступами къ нашимъ позиціямъ, затративъ только на это 16 дней,—промедленіе, могущее имѣть серьезнѣйшія послѣдствія для будущихъ операцій.

«Возможно, что бельгійская армія получить приказъ перемѣнить свои позиціи, давши имъ возможность выполнить ихъ первую задачу,—выиграть время. Но эти передвиженія не должны вызывать тревоги въ населеніи. Преслѣдованіе секретной цѣли, намѣчаемой общими диспозиціями бельгійскихъ войскъ, получаетъ теперь преобладающее значеніе. Маневры, предпринимаемые съ опредѣленно поставленной цѣлью, не должны быть непременно отступленіемъ. Борьба, происходившая на фронтѣ, сдѣлала непріятели очень осторожнымъ. Задержка въ его наступленіи, имѣвшая мѣсто, представляетъ огромное преимущество для операцій союзниковъ въ цѣломъ, но нельзя дать себя связать и, такимъ образомъ, осуществить расчеты германцевъ.

«Мы не побуждены, но принимаемъ мѣры къ тому, чтобы разбить врага въ возможно наилучшихъ для насъ условіяхъ. Пусть общество довѣрится верховному военному начальству и пребываетъ въ спокойствіи и увѣренности. Исходъ борьбы не подлежитъ сомнѣнію».

Передъ очищеніемъ Брюсселя бельгійское правитель-

ство разоружило гражданскую гвардію, чтобы уберечь ее отъ расправы германцевъ.

Полици былъ отданъ приказъ поддерживать порядокъ въ городѣ.

Дворецъ правосудія въ Брюссель.

Вслѣдъ за уходомъ послѣднихъ бельгійскихъ войскъ Брюссель охватила паника, длившаяся весь день.

Къ ночи городъ нѣсколько успокоился.

Оставивъ на ночь въ окнахъ свѣтъ, ложились спать, ожидая на утро непріятеля.

Онъ не заставилъ себя долго ждать: его артиллерія уже показалась на Ватерлооскомъ полѣ, а обозы съ военными припасами,—на дорогахъ, ведущихъ черезъ предмѣстья.

Нашелся смѣльчакъ, который отправился на мотоциклеткѣ на развѣдки.

Возвратившись на Национальную площадь, онъ разсказалъ собравшимся тамъ горожанамъ, что видѣлъ германскаго гусарскаго офицера, который, въ сопровожденіи нѣсколькихъ солдатъ и съ бѣлымъ флагомъ ѣдетъ къ Лувенскимъ воротамъ.

Навстрѣчу парламентару отправился бургомистръ Адольфъ Максъ.

Въ результатѣ переговоровъ германцы оставили его во главѣ городского хозяйства подъ условіемъ скорѣйшаго выполнения всѣхъ распоряженій германскихъ военныхъ властей и отвѣтственности за всякій враждебный актъ по отношенію къ германскимъ войскамъ со стороны населенія.

Послѣ полудня орудійные выстрѣлы и звуки военной музыки возвѣстили населенію о томъ, что пачалось триумфальное вступленіе тевтонскихъ полчищъ въ Брюссель.

Во главѣ ихъ двигались уланы, затѣмъ прочая конница. пѣхота, артиллерія, саперы и множество автомобилей, вооруженныхъ пулеметами.

Впереди каждаго изъ полковъ шель оркестръ музыки.

Тысячи солдатскихъ глотокъ пѣли «Wacht am Rhein» «Deutschland, Deutschland über alles», куплеты изъ оперетки «Куколка» и дѣлали все, чтобы уничтожить бельгийцевъ:

Хвосты лошадей были украшены лентами бельгийскихъ национальныхъ цвѣтовъ.

На одной лошади сидѣлъ медвѣжонокъ въ формѣ бельгийскаго генерала, съ надписью «Альбертъ».

Вслѣдъ за однимъ изъ полковъ вели двухъ бельгийскихъ офицеровъ; на нихъ были ручные кандалы, за которые они были привязаны къ стременамъ своихъ конвоировъ-уланъ; при видѣ этого въ толпѣ пронесся ропотъ негодованія.

Съ народомъ германскіе офицеры не стѣснялись: нрямо въ толпу врывались они на лошадяхъ, саблями прокладывая себѣ дорогу.

Хромой разносчикъ предложилъ солдатамъ цвѣты, но гусарскій капитанъ движеніемъ своего коня отбросилъ бѣднягу, окровавленнаго и безпомощно барахтавшагося, въ толпу.

Въ общественномъ саду офицеръ приказалъ солдатамъ растоптать роскошную клумбу съ грядами тюльпановъ и гіацинтовъ.

Продефилировавъ по улицамъ Брюсселя, германскія войска удалились: въ городѣ, въ казармахъ, было оставлено лишь нѣсколько батальоновъ.

Послѣ совѣщанія съ германскими властями бургомистръ обратился къ населенію съ воззваніемъ, предлагая охранять порядокъ и воздерживаться отъ вызывающаго образа дѣйствій.

IX. Бургомистръ Адольфъ Максъ.

Гражданинъ въ возвышеннѣйшемъ смыслѣ этого слова,—онъ обезпечилъ за собой почетное мѣсто въ истории, и, какъ выдающаяся личность, яркость ко-

Бургомистръ Адольфъ Максъ.

торой импонировала даже врагу, заслуживаетъ особой монографіи.

Къ сожалѣнію, для этого о немъ въ короткое время успѣвшемъ стать достояніемъ легенды, пока

извѣстно слишкомъ мало, но штриховъ, которые даютъ возможность составить себѣ общее представление объ этомъ патріотѣ—достаточно.

Часть этого недюжиннаго человѣка пробилъ въ тотъ моментъ, когда его предупредили о приближеніи германцевъ къ Брюсселю.

Максъ тотчасъ же рѣшилъ ѣхать для переговоровъ съ парламентаремъ.

Наскоро прибили къ камышовой палкѣ салфетку и, въ предшествіи этого импровизированнаго флага, съ секретаремъ и двумя старшинами двинулись въ путь.

Встрѣтились съ лейтенантомъ генеральнаго штаба Кригсгеймомъ, къ которому бургомистръ и обратился съ просьбой отмѣнить проводку германскихъ войскъ черезъ Брюссель.

Максъ упорно ссылаясь на силу права въ то время, когда ему приходилось слышать лишь о правѣ силы.

Въ концѣ переговоровъ, получивъ отказъ, бургомистръ заявилъ, что желаетъ телеграфировать императору Вильгельму, «не имѣя силъ стерпѣть, чтобы армія монарха, котораго чествовали въ Брюсселѣ, проникла въ послѣдній безъ согласія тѣхъ, кто управляетъ городомъ».

Онъ держалъ себя такъ, что его просьбу уважили: офицеръ принялъ депешу для представленія своему начальству.

Черезъ полчаса переговоры возобновились.

Офицеръ увѣрялъ, что депеша будетъ передана, но что до полученія отвѣта необходимо подчиниться приказу старшаго начальника, повелѣвшаго арміи проходить черезъ Брюссель.

«Лейтенантъ Кригсгеймъ, — сказано въ протоколѣ, —

между прочимъ требоваль съ города и общинъ представить въ видѣ военной контрибуціи, въ трехдневный срокъ, сумму въ 50 милліоновъ франковъ золотомъ, серебромъ или банковыми билетами, а со всего Брабанта 450 милліоновъ франковъ. Предѣльный срокъ уплаты 1 сентября 1914 года.

«Бургомистръ, протестуя противъ этого объявилъ, что уступить лишь силѣ...

«Лейтенантъ Кригсгеймъ сообщилъ о полученіи указанія о временномъ задержаніи бургомистра, городского совѣта и ста именитыхъ гражданъ города для гарантіи добраго поведения населенія»...

Въ этотъ моментъ Максъ прервалъ чтеніе:

«Если вамъ нуженъ заложникъ,—произнесъ онъ, не теряя спокойствія,—то я къ вашимъ услугамъ. Дѣлайте со мной, что хотите. Въ случаѣ волнений мнѣ не страшно разстаться съ жизнью для обезпеченія жизни и имущества моихъ согражданъ. Но если вы будете настаивать на рѣшеніи задержать городской совѣтъ и сто нотаблей, то ручаться ни за что не могу».

Въ официальномъ документѣ это нашло себѣ слѣдующее выраженіе:

«Послѣ обмѣна мнѣній по этому вопросу лейтенантъ Кригсгеймъ добровольно отказался отъ этого требованія, оговоривъ, что окончательное рѣшеніе будетъ зависѣть отъ довѣрителя».

Документъ заканчивается такъ:

Составленъ въ 2 экземплярахъ въ Брюсселѣ, 20 августа 1914 года.

Подпись: Кригсгеймъ
лейтенантъ генеральнаго штаба IV армейскаго корпуса.
Больше подписей нѣтъ.

Когда, наконецъ, штабъ появился въ ратушѣ и

заявилъ о своемъ намѣреніи ночевать тамъ, бургомистръ замѣтилъ:

«Вамъ здѣсь будетъ очень плохо, но такъ какъ таково ваше рѣшеніе, то и я буду ночевать въ ратушѣ, оставаясь на положеніи хозяина».

И, не ожидая отвѣта, приказалъ перенести свою кровать въ залу Независимости.

Генералу, потребовавшему немедленно снять съ ратуши развѣвавшіеся на ней бельгійскіе, англійскіе и французскіе флаги, Максъ отвѣтилъ:

«Эта задача мнѣ не по силамъ, а если бы я за нее и взялся, то никого не нашелъ бы для исполненія моихъ приказаній».

Поведенію своего бургомистра Брюссель обязанъ избавленіемъ отъ разгрома и сохраненіемъ, даже подъ германскимъ гнетомъ, своей національной гордости.

Прокламація, которая была расклеена по городу говорить краснорѣчивѣе всякихъ словъ:

«Германскій комендантъ Льежа генераль-лейтенантъ фонъ-Колеве опубликовалъ вчера слѣдующее обращеніе:

Жителямъ Льежа.

Бургомистръ Брюсселя заявилъ германскому старшему начальнику, что французское правительство довело до свѣдѣнія бельгійскаго правительства о возможности для Франціи содѣйствовать Бельгіи, такъ какъ сама Франція вынуждена къ оборонѣ.

Я самымъ рѣшительнымъ образомъ протестую противъ этого утвержденія.

Брюссель, 30 августа 1914 года.

Бургомистръ
Адольфъ Максъ.

**Le Gouverneur Allemand de
la Ville de Liège. Lieutenant-Général
von Kolewe, a fait afficher hier
l'avis suivant :**

• Aux habitants de la Ville de Liège.

• Le Bourgmestre de Bruxelles a fait savoir au
» Comandant allemand que le Gouvernement
» français a déclaré au Gouvernement belge
» l'impossibilité de l'assister offensivement en
» aucune manière, vu qu'il se voit lui-même forcé
» à la défensive.

**Je pose a cette affirmation le
démenti le plus formel**

Bruxelles le 20 mai 1914

Le Bourgmestre,
ADOLPHE MAX

Объявление Адольфа Макса, уличающее военного губернатора въ
Брюссель во лжи.

Wichtige Bekanntmachung

Ich verbiete hierdurch auf das strengste einen jeden Mauersschlag, auch von seiten der Stadtverwaltung, ohne meine ausdrueckliche Genehmigung.

Brüssel, 51. August 1914.

Der Militaergouverneur,
(Ges.) **VON LUETTWITZ**¹
Generalmajor

Контръ-объявленіе военнаго губернатора въ Брюесслъ.

Avis important

Il est strictement défendu, sous
a la municipalité de la ville, de
publier des affiches sans avoir reçu
ma permission spéciale.

Bruxelles, le 51 août 1914.

Le Gouverneur militaire allemand,
(Signé) **VON LUETTWITZ**
Général.

На слѣдующій день германскія власти вывѣсили анонсъ:

Важное объявленіе.

Настоящимъ строжайше воспрещается всѣмъ, какъ и муниципалитету, расклеивать какія бы то ни было плакаты, безъ спеціальнаго моего разрѣшенія.

Брюссель, 31 августа 1914 года.

Военный губернаторъ
фонъ-Лютвицъ

Лишившись возможности расклеивать свои опроверженія, Максъ разъяснялъ населенію правду путемъ устройства собраній подъ открытымъ небомъ.

Назначенному генераль-губернаторомъ занятыхъ германцами бельгійскихъ областей фонъ-деръ-Гольцу онъ отказался подать руку:

— Я подаю руку лишь друзьямъ!

Когда прибывшій въ ратушу фонъ-деръ-Гольцъ положилъ на столъ свой револьверъ, бургомистръ отвѣтилъ на этотъ грозный жестъ лишь тѣмъ, что улыбаясь, положилъ на столъ свое перо...

Однажды, германцы потребовали пожарныхъ лѣстницъ для установки обсервационной станціи.

Освѣдомивъ объ этомъ Макса, офицеры направились въ пожарное депо.

Туда же прибылъ и бургомистръ.

Разговаривая съ офицерами, онъ шепнулъ подошедшему пожарному приказаніе привести всѣ лѣстницы въ полную негодность.

Чтобы дать время исполнить это, Максъ велъ разговоръ съ офицерами въ теченіе 20 минутъ и, наконецъ, махнулъ рукой:

— Ну, что-жъ, берите...

Къ этому времени лѣстницы были разобраны и изломаны въ мелкіе куски, такъ что германцы при всемъ желаніи не могли воспользоваться ими.

Увидѣвъ это, взбѣшенные офицеры обратились къ бургомистру съ пѣной у рта:

— Вотъ что сдѣлали ваши пожарные! Что вы на это скажете?

Максъ спокойно отвѣтилъ:

— Скажу, что мои пожарные справились со своей задачей весьма быстро, и очень хорошо. Отъ всей души поздравляю ихъ съ этимъ...

Онъ приостановилъ реквизицію лошадей, начатую по приказу германскихъ властей.

Отстаивая интересы населенія, бургомистръ не подраздѣлялъ ихъ на крупныя и мелкіе: въ этомъ отношеніи одинаково существеннымъ было для него рѣшительно все.

Такъ, онъ предотвратилъ своимъ вмѣшательствомъ бессмысленно-злостное распоряженіе о массовомъ избіеніи голубей, которыхъ такъ любятъ брюссельцы.

Бельгійскій со-хозяинъ, въ германскомъ городѣ,— Максъ исполнялъ свои функціи въ ущербъ завоевателямъ съ предѣльной при столь исключительныхъ условіяхъ полнотой.

Возможно ли?

Какъ видите, потому что онъ дѣйствовалъ съ огромными достоинствомъ и смѣлостью.

Это — чрезвычайно колоритный носитель весьма развитаго въ Бельгіи мѣстнаго, муниципальнаго патриотизма, характеризуемаго особо любовнымъ отношеніемъ ко всему, что такъ или иначе связано съ интересами родного города и свѣтящагося тамъ съ особой

яркостью, ибо въ Бельгии у каждаго города—своя цвѣтистая исторія.

Воздавая должное бургомистру, германцы ладили съ нимъ два мѣсяца.

Наконецъ, ихъ терпѣніе истошилось.

Въ началѣ октября, въ связи съ требованіемъ германцевъ немедленно погасить еще причитающуюся часть наложенной на населеніе контрибуціи, въ Брюсселѣ состоялся съѣздъ бургомистровъ Брабантской провинціи.

Предсѣдательствовалъ Максъ.

Собраніе открылось въ половинѣ третьяго дня.

Черезъ нѣкоторое время Максу передали письмо, въ которомъ комендантъ требовалъ тотчасъ явиться.

Бургомистръ отвѣтилъ письмомъ же, что занять и придеть въ половинѣ пятаго, по окончаніи засѣданія.

Не прошло и пяти минутъ, какъ посыльный вернулъ и вручилъ Максу вторичное требованіе коменданта тотчасъ явиться.

Бургомистръ повторилъ свой отвѣтъ.

Въ половинѣ пятаго онъ закрылъ собраніе и, отправляясь къ коменданту, сказалъ:

— Я иду на митингъ съ комендантомъ. Врядъ ли онъ будетъ столь же спокойнымъ, какъ нашъ!

Это было сказано со смѣхомъ, и со смѣхомъ выслушано.

Затѣмъ Максъ ушелъ и болѣе уже не возвращался.

Комендантъ потребовалъ, чтобы бургомистръ прекратилъ свою фронду.

Максъ отвѣтилъ:

— Я буду дѣйствовать и впредь, какъ до сихъ поръ, и уйду отсюда не иначе, какъ въ качествѣ бургомистра Брюсселя, а если не угодно, арестуйте меня!

Комендантъ убѣдился, что бросить этого человѣка въ казематъ—легче, чѣмъ сломить.

Макса арестовали и заключили въ крѣпость.

Несмотря на все оказанное на нихъ давленіе, члены городского совѣта категорически отказались выбрать замѣстителя бургомистру.

Въ XVI вѣкѣ, когда Лейденъ былъ осажденъ полчищами герцога Альбы, бургомистромъ тамъ былъ Адрианъ ванъ-деръ-Верфъ.

Чего Максъ добился дипломатическими средствами того ванъ-деръ-Верфъ достигъ несокрушимымъ упорствомъ.

Ни голодъ, ни чума не могли вынудить его къ сдачѣ.

Онъ далъ клятву отстаивать Лейденъ до послѣдняго издыханія и молилъ Бога о ниспослании ему силъ для свершенія этой клятвы.

Въ сравненіи съ городомъ, ввѣреннымъ ванъ-деръ-Верфу, собственная его участь не имѣла для него ни малѣйшаго значенія.

Пруссаки въ Брюссель.

Когда передъ населеніемъ Лейдена предстала дилемма «голодная смерть, или безславный конецъ», ванъ-деръ-Верфъ обратился къ группѣ жителей, умолявшихъ о прекращеніи ихъ страданій:

— Вотъ вамъ шпага, пронзите мнѣ грудь и утолите свой голодъ моимъ мясомъ, но не говорите мнѣ о сдачѣ пока я живъ!

Онъ дожилъ до освобожденія города, и для бургомистра Брюсселя Адольфа Макса не можетъ быть большей чести, какъ сопоставленіе его съ безстрашнымъ бургомистромъ Лейдена Адрианомъ ванъ-деръ-Верфомъ.

Х. Общее настроеніе.

Каждый брюсселецъ, отъ мала до велика, былъ охваченъ тѣми чувствами, какія столь мощно овладѣли ихъ бургомистромъ.

Для характеристики общаго настроенія въ высшей степени показательно описаніе посѣтившаго Брюссель послѣ занятія его германцами корреспондента «Berliner Tageblatt»:

«Всякаго нѣмца въ штатскомъ костюмѣ они пронизываютъ молчаливыми, но тѣмъ болѣе краснорѣчивыми взглядами, а въ отдѣльныхъ частяхъ города съ наступленіемъ темноты прямо жутко бываетъ: тамъ уже не ограничиваются взглядами ненависти, но обмѣниваются вполголоса замѣчаніями, свидѣтельствующими, какую ненависть питаютъ бельгійцы къ намъ; еще ярче въсхлываетъ ненависть, когда показываются нѣмецкія войска. Я видѣлъ, какъ они проходили по

улицамъ города. Все движеніе прекратилось. Публика гнѣвными взорами провожала нашу молодежь и, если бы взглядами можно было убить, ни единый нѣмецъ не уцѣлѣлъ бы.

«Въ ресторанѣ, гдѣ обѣдали наши офицеры, вся публика, сидѣвшая за сосѣдними столами, слѣдила за всякимъ ихъ движеніемъ, прислушивалась къ каждому слову; надъ ними насмѣхались, при чемъ особенно выдѣлялись бельгійскія дамы. Къ солдатамъ относятся не лучше: я былъ свидѣтелемъ, какъ въ Зоологическомъ саду, послѣ большого перехода, наши солдаты умывались около фонтана, обнаживъ грудь; это вызвало негодующіе возгласы, въ особенности со стороны женщинъ.

«Пока-что въ Брюсселѣ тихо, но эта тишина лишь скрываетъ страшно напряженное состояніе: довольно, быть можетъ, незначительнаго повода, и разразится буря.

«Физиономія города совершенно измѣнилась. Что стало съ всегда веселымъ, беззаботно наслаждающимся жизнью Брюсселемъ! Тяжелая атмосфера нависла надъ городомъ изысканнаго изящества, жаднымъ ко всякимъ наслажденіямъ. Съ бульваровъ исчезли длинные ряды столовъ и стульевъ передъ кафэ и ресторанами. Да и въ самыхъ кафэ почти никого нѣтъ. Нѣкоторые рестораны, какъ, на примѣръ, «Палась-Отель», превращены въ госпитали. Въ 9 часовъ вечера всякая жизнь прекращается. Дѣлались было попытки не соблюдать этого «полицейскаго часа», но пруссаки показали, что съ ними шутки плохи (надо замѣтить, что вся ярость населенія обращается на ненавистныхъ пруссаковъ, именно пруссаковъ,—такъ называютъ всякаго нѣмецкаго солдата).

«Нѣмецкія вѣфски отовсюду исчезли, а еще недав-

но ихъ было такъ много; огромный магазинъ Тица вывѣсилъ плакатъ съ надписью, что фирма принадлежитъ анонимному обществу, и что всѣ служащіе—исключительно бельгийцы».

Германскими военными властями былъ изданъ приказъ, воспрещавшій читать газеты, писать письма куда бы то ни было, ѣздить на автомобиляхъ, извозчикахъ и велосипедахъ, а также разговаривать по телефону.

Но даже тогда, когда малѣйшее неуваженіе, высказанное германцамъ, грозило смертной казнью, брюссельцы не переставали подтрунивать надъ завоевателями, помѣщая на нихъ каррикатуры въ газетахъ, читая вслухъ въ кафэ и на бульварахъ позорящія германцевъ статьи и развозя по городу каррикатурные плакаты на императора Вильгельма и его подчиненныхъ.

Это повлекло за собой жестокия кары для многихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ появилось вышеупомянутое запрещеніе, однимъ изъ мотивовъ котораго была статья въ «Metropole», призывавшая брюссельцевъ не оказывать германцамъ не только прямыхъ, но и косвенныхъ услугъ.

Переживанія взрослого сказываются въ забавахъ ребенка.

Такъ въ играхъ уличныхъ мальчишекъ въ Брюсселѣ отразилось все презрѣніе старшихъ къ завоевателямъ:

Они прокалывали соломенную шляпу, вставляли туда морковь хвостомъ вверхъ и, устроивъ такимъ образомъ, подобіе прусской каски, маршировали по улицамъ.

Эта пародія вызвала прокламацію военного губерна-

тора съ указаніемъ на всю неумѣстность подобнаго издѣвательства надъ германскими войсками, пришедшими въ Бельгію «съ самыми добрыми намѣреніями».

Послѣ того какъ германцы установили свои пушки на крытой галлерей вокругъ Дворца правосудія, на крышахъ всѣхъ домовъ, въ кварталѣ, прилегающемъ къ Дворцу правосудія, появились жестяныя печныя трубы, направленныя прямо на германскія орудія, и эта жестяная батарея, состоявшая изъ тысячи печныхъ трубъ, издали, дѣйствительно, давала боевую иллюзію.

Когда германцы,—это было послѣ ихъ пораженія подъ Парижемъ,—реквизировали въ Брюсселѣ всѣхъ лошадей, которыя еще могли держаться на ногахъ, ребятишки, собравшись въ количествѣ пятисотъ, образовали свою кавалерію.

Каждый изъ нихъ сѣлъ верхомъ на палку, и этотъ отрядъ кавалеріи прошелъ черезъ весь городъ по направленію къ Дворцу правосудія, въ которомъ помѣстилась прусская гвардія.

Выйдя на площадь передъ Дворцомъ правосудія, дѣтвора начала производить ученіе на глазахъ удивленныхъ пруссаковъ.

Кончивъ ученіе, предводитель отдалъ приказъ идти церемоніальнымъ маршемъ «по прусскому образцу», и пятисотъ малышей мѣрно застучали по мостовой каблучками.

— Что вы дѣлаете здѣсь?—обратился къ нимъ выбѣжавшій офицеръ.

— Идемъ на Парижъ...

Внѣ себя отъ гнѣва, офицеръ выхватилъ револьверъ, и только присутствіе множества брюссельцевъ, собравшихся на парадъ, удержало дикаря отъ убійства.

Центръ всѣхъ этихъ веселыхъ пародій,—рабочій кварталъ Маролей.

Когда германцы арестовали бургомистра, «мароли» расклеили на улицахъ прокламацію:

«Если хоть одинъ волосъ упадетъ съ головы нашего Макса, мы объявимъ войну Германіи».

Подписано: «Генеральный штабъ маролей».

XI. Огнемъ и мечомъ.

Оттѣсненный отъ Брюсселя,—король Альбертъ находился у Лувена.

Послѣдній уже въ IX столѣтці служилъ резиденціей графовъ, позднѣе герцоговъ Брабантскихъ.

Просторные бульвары, окружающіе городъ, были нѣкогда линіями укрѣпленій.

Въ ту эпоху въ Лувенѣ было не менѣе 150.000 жителей, большинство которыхъ занималось выдѣлкой полотна и холста.

Фламандскіе ткачи были всегда безпокойнымъ классомъ, и лувенцы не составляли исключенія.

Въ XIV вѣкѣ они подняли возстаніе, въ результатѣ котораго 13, изъ общаго числа членовъ магистрата Лувена, принадлежавшихъ къ наиболѣе знатнымъ фамиліямъ города, были приговорены къ извѣстному наказанію—«дефенстраціи»: они были выброшены изъ оконъ и приняты ждавшей внизу толпой на острія копій.

Позже Лувенъ былъ взятъ герцогомъ Венцеславомъ, наложившимъ на горожанъ тяжелое наказаніе,

Разрушенный Лувень.

въ результатѣ чего множество жителей эмигрировали въ Голландію и Англию.

Съ той поры извѣстность Лувена начинаетъ уменьшаться.

Европа знаетъ Лувенъ по его университету, основанному еще въ XV столѣтіи герцогомъ Юанномъ IV Брабантскимъ: этотъ университетъ привлекалъ тогда многочисленныхъ слушателей и, когда каѳедру занималъ знаменитый ученый Юстъ Липсусъ, число студентовъ превышало 6,000 человѣкъ.

Движеніе на Лувенъ германцы предприняли съ тѣмъ, чтобы отбросить бельгийцевъ къ Антверпену и, выставивъ въ эту сторону заслонъ, совершенно обезпечить себя отъ ихъ вылазокъ.

Германскія войска впервые вступили въ городъ 6 августа.

Войдя въ Лувенъ, германцы потребовали реквизиціоннымъ порядкомъ отвода помѣщеній и предоставленія продовольствія, проникли во всѣ частныя банки и заставили выдать хранившіяся въ нихъ суммы.

Въ качествѣ заложниковъ вмѣстѣ съ членами магистрата, судебными чинами и представителями духовенства были взяты бургомистръ, ректоръ университета и вице-ректоръ д-ръ Конрадъ.

«Всѣ заложники,—разсказываетъ онъ,—обязаны были смѣняться и въ теченіе сутокъ каждый дежурить въ ратушѣ, начиная съ 3 часовъ дня; въ первый день на дежурствѣ оставлены были бургомистръ и ректоръ университета, затѣмъ была моя очередь. Когда я въ этотъ день пришелъ на работу, началась стрѣльба; это не могли быть регулярныя войска: въ городѣ уже не было бельгийскихъ солдатъ. Въ ратушѣ случайно находились доминиканскій патеръ Диллонъ, врачъ

и аптекарь, которые просили позволенія навѣстить раненыхъ послѣ 9 часовъ вечера. Пока мы въ ужасѣ и растерянности сидѣли въ ратушѣ, появился высшій германскій офицеръ и объявилъ намъ, что тутъ, по-видимому, заговоръ. Онъ вынужденъ принять самыя строгія мѣры и наложить на население большую контрибуцію. Когда стрѣльба къ вечеру стихла, мы вышли изъ ратуши и двинулись по Rue de la Station съ тѣмъ, чтобы просить жителей успокоиться; патеръ Диллонъ обращался къ народу по-фламандски, сенаторъ Орбанъ-де-Ксаври—по-французски. Послѣ этого мы вернулись въ ратушу и прилегли отдохнуть.

«На утро насъ повели на вокзаль, чтобы поселить въ желѣзнодорожномъ вагонѣ. Въ ожидательной германскіе офицеры писали черновики прокламацій, которыя намъ надлежало читать населенію:

«У насъ имѣются заложники изъ вашихъ. Если раздастся еще хоть одинъ выстрѣлъ, мы разстрѣляемъ заложниковъ. Городъ будетъ подвергнутъ наказанію и наложена контрибуція въ 20 милліоновъ франковъ».

«Съ этими прокламаціями мы пошли по улицамъ; въ сорока или пятидесяти мѣстахъ Диллонъ читалъ прокламацію вслухъ, причемъ два офицера стояли тутъ же съ направленными на насъ револьверами. За нами слѣдовалъ двадцать германскихъ офицеровъ, а сестры милосердія замыкали эту процессію. Мужчины, женщины и дѣти окружали насъ съ плачемъ и, воздѣвъ руки кверху, клялись, что исполнять все, лишь бы не дать намъ погибнуть. На углу Rue Frédéric Lints, когда мы вновь читали прокламацію, опять раздались выстрѣлы. Такъ мы пять часовъ ходили по улицамъ, и всѣ эти пять часовъ читали вслухъ прокламацію.

Въ 3 часа пополудни, совершенно выбившись изъ силъ, мы вернулись на вокзалъ, гдѣ насъ покормили. Я просилъ отпустить меня на мою квартиру, такъ какъ срокъ моего дежурства кончился. Германскій штабный врачъ, д-ръ Берггаузенъ изъ Кельна, милосердно вызвался проводить меня; ему я обязанъ своею жизнью. Мы уже добрались до Rue Leopold, какъ съ Marcheau Grain прогремѣлъ выстрѣлъ. Въ ту же секунду солдаты прицѣлились въ меня, собираясь выстрѣлить; тогда мой спутникъ бросился между нами, закрылъ меня своимъ тѣломъ, и я былъ спасенъ».

Выстрѣлы эти были несомнѣнной провокаціей, такъ какъ все оружіе, находившееся у жителей, вплоть до фехтовальныхъ рапиръ, было заранѣе отобрано у нихъ общиннымъ управленіемъ и сложено въ соборѣ св. Петра.

Черезъ недѣлю, 13 августа, когда бельгійцы разби-ли двинувшійся на нихъ изъ Лувена германскій корпусъ, который отступилъ обратно къ городу, германскіе отряды, охранявшіе входъ въ Лувенъ, открыли огонь по своимъ же, принявъ ихъ за бельгійцевъ.

Не произведя никакого разслѣдованія, командующій германскими войсками объявилъ, что городъ будетъ разрушенъ.

Толпа жителей Лувена, насчитывавшаяся до 8,000 мужчинъ, женщинъ и дѣтей, была уведена подъ конвоемъ въ манежъ.

Помѣщеніе это было до такой степени недостаточно, что многіе должны были простоять на ногахъ до утра, терпя невыносимыя страданія.

Въ теченіе ночи нѣсколько женщинъ отъ перенесенныхъ ими ужасовъ сошли съ ума, а грудныя дѣти умирали на рукахъ ихъ матерей.

„Rue a la Station“ въ Лувентъ.

Бомбардировка началась рано утромъ и кончилась поздно вечеромъ.

Затѣмъ солдаты съ разныхъ сторонъ подожгли Лувенъ.

Тамъ, гдѣ пожаръ не разгорался, они проникали въ квартиры и разбрасывали гранаты для поджога.

Большая часть города, особенно кварталы, расположенные на возвышенности, въ которыхъ находились: соборъ св. Петра, университетъ съ его старинной библиотекой, различные научныя учреждения и театръ, немедленно стали добычей пламени.

Пожаръ продолжался нѣсколько дней и умственный центръ культурной страны превратился въ пепелище.

Миръ содрогнулся отъ этого варварства.

Вандалы стали утѣшать челоѳчество.

Профессоръ университета во Фрейбургѣ Клуге писалъ:

«Нѣтъ основаній огорчаться по поводу разрушенія Лувена и сожженія его библиотеки, такъ какъ отъ этого миръ ничего не потерялъ: взаменъ сгорѣвшей библиотеки германскій гений создастъ другую, значительно болѣе цѣнную».

Made in Germany...

Та же участь постигла и весь районъ вокругъ этого города.

Въ сожженныхъ деревняхъ, обезумѣвшие жители которыхъ поднимали руки въ знакъ покорности при каждомъ встрѣчномъ, на порогахъ домовъ лежали жертвы изверговъ, захваченныя пожаромъ врасплохъ.

Въ Семпотѣ нашли трупы двухъ мужчинъ, частью обуглившися: у одного были отрублены ноги по колѣна, у другого—ноги и руки; рабочій, еще живой,

хотя и исколотый штыками, былъ облитъ керосиномъ и брошенъ въ пылавшее строеніе.

Возлѣ Вильворде сняли съ дерева старика, который былъ повѣшенъ за руки: его тѣло совершенно обуглилось.

Въ Гофстадтѣ былъ найденъ трупъ старухи, убитой штыковыми ударами; она еще держала въ рукахъ иголку, которой шила въ тотъ моментъ, когда ее прикололи, и тутъ же лежали пронзенные штыками трупы женщины и мальчика, вѣроятно, ея сына.

Въ Корбекъ-Ло молодая женщина, мужъ которой находился въ арміи, была захвачена, вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ своихъ родственниковъ, бандою германцевъ; сопровождавшія ея лица были заперты въ пустомъ домѣ, а сама она была уведена въ другое помещеніе, гдѣ солдаты по-очереди изнасиловали ее, что происходило неоднократно и во множествѣ другихъ селеній.

Въ Андениѣ около 300 жителей были поставлены къ стѣнѣ и разстрѣляны; бургомистръ, раненый нѣсколькими пулями, притворился мертвымъ и вечеромъ пробрался въ свой домъ; въ то время какъ жена дѣлала ему перевязку, его схватили и разстрѣляли.

Въ Ваврѣ, который не могъ внести контрибуцію, разрушили 56 домовъ.

Ленсо сожгли и перебили почти все населеніе.

Эрве сравненъ съ землей: изъ 500 домовъ осталось 19.

Бюкенъ, Вакерзееръ, Визе, Вольвертхемъ, Геверсъ, Импеде, Орсмайль...

Вездѣ и всюду образъ дѣйствій германцевъ былъ одинаковъ:

Проходя по деревнямъ, они разстрѣливали безобидныхъ путешественниковъ, въ особенности велосипедистовъ и даже работавшихъ на поляхъ крестьянъ.

Въ селеніяхъ, гдѣ германцы останавливались, они прежде всего отбирали по реквизиціи съѣстные припасы и напитки, а затѣмъ напивались до-пьяна.

Иногда стрѣляли изъ пустыхъ домовъ, а потомъ заявляли, что эти выстрѣлы произведены жителями, и тогда начинались поджоги, убійства и, въ особенности, грабежи, которые сопровождались актами холодной жестокости, не различающей ни пола, ни возраста; въ тѣхъ же случаяхъ, когда германцы заявляли, что имъ извѣстенъ виновникъ совершеннаго, по ихъ мнѣнію, поступка, они не ограничивались тѣмъ, что казнили его безъ суда, но приступали къ разстрѣлу каждаго десятаго-двадцатаго изъ жителей, грабили всѣ дома, а затѣмъ поджигали.

Послѣ рѣзни, которая возникала какъ бы случайно, германцы запирали мужчинъ въ мѣстныя церкви, а женщинъ заставляли идти домой и держать въ теченіе всей ночи двери своихъ квартиръ открытыми.

Во многихъ мѣстностяхъ мужское населеніе частью было насильно взято въ войска, частью направлено въ Германію, повидимому, для того, чтобы нести тамъ работы по уборкѣ урожая, какъ это практиковалось въ древнѣйшія времена рабства.

Таковъ итогъ далеко не исчерпаннаго здѣсь разслѣдованія специальной комиссіи.

Она опиралась лишь на факты, установленные свидѣтелями, которые заслуживаютъ полного довѣрія, и зарегистрировала безчисленное множество преступленій, составляющихъ самую зловѣщую и возмутительную страницу современной исторіи.

Студенческій кварталъ въ Лугенъ послѣ бомбардировки.

Установленное слѣдствіемъ всецѣло подтверждается письмомъ, найденнымъ у взятаго въ плѣнъ германскаго офицера и опубликованнымъ въ «Temps»:

«Мы остановились въ замкѣ, принадлежащемъ секретарю короля Альберта; наши солдаты вели себя, какъ настоящіе вандалы. Сперва разгромили винный погребъ, а потомъ начали бить и ломать все, что только находилось въ комнатахъ. Они разбили драгоценный китайскій сервизъ и переломали всю мебель. Кромѣ того, награбили и унесли съ собою массу предметовъ, не имѣющихъ для нихъ никакого значенія. Многіе бельгийцы были разстрѣляны, какъ шпіоны. Въ одномъ только Лизонѣ было разстрѣляно 23 человекъ. Наши солдаты увѣряли, что ихъ обстрѣливали мирные жители съ крышъ домовъ. Подъ этимъ предлогомъ они захватили 12 человекъ и поставили ихъ въ три ряда, чтобы каждымъ выстрѣломъ можно было убить по три человекъ. Вскорѣ изъ этихъ несчастныхъ образовалась куча окровавленныхъ тѣлъ. Въ Бузинѣ было все сравнено съ землею. Сцены, разыгрывавшіяся тамъ, не поддаются описанію. Повсюду валялись трупы разстрѣлянныхъ жителей. Не осталось неразрушеннымъ ни одного дома. Нѣсколько мужчинъ, женщинъ и дѣтей спрятались въ монастырь, но солдаты подожгли монастырь, а, когда обезумѣвшіе люди выбѣгали изъ него, спасаясь отъ пламени, въ нихъ стрѣляли. Виллеръ былъ также сожженъ нами»...

Въ Термондѣ исчерпывающе обнаружилось, что германцы заранѣе рѣшили вести въ Бельгии кампанію поджоговъ.

Изъ 1500 зданій уцѣлѣло лишь 100.

Вмѣстѣ съ палатами богачей и лачугами бѣдняковъ были сожжены фабрики, магазины, церкви, бо-

гадѣльни и госпитали, въ которыхъ за-живо сгорѣли прикованные къ постелямъ тяжело-больные.

Но не въ томъ дѣло, что цвѣтущій городъ обращенъ въ развалины, а въ томъ, что эти руины—доказательство педантичной продуманности и подготовленности изувѣрства.

Доказательство, что германцевъ вымуштровали для быстрого и систематическаго уничтоженія, снабдили специальными приспособленіями и вмѣнили имъ это въ обязанность.

Всѣ уцѣлѣвшіе жители Термонда подписались подъ официальнымъ сообщеніемъ, рисующимъ неслыханную картину разрушенія ихъ города.

Когда въ Термондъ вернулся разбитый бельгийцами германскій корпусъ, командиръ его заявилъ во всеуслышаніе:

— Нашъ долгъ сжечь этотъ городъ!

Начались приготовления.

Черезъ нѣкоторое время на улицахъ появились небольшіе отряды германцевъ, которые, идя изъ конца въ конецъ, разбивали прикладами оконныя стекла.

За ними шли солдаты съ машинами и брызгали керосиномъ въ зіявшія отверстія оконъ.

Большинство этихъ машинъ были ручными, но было и нѣсколько автомобилей, специально приспособленныхъ для этой цѣли.

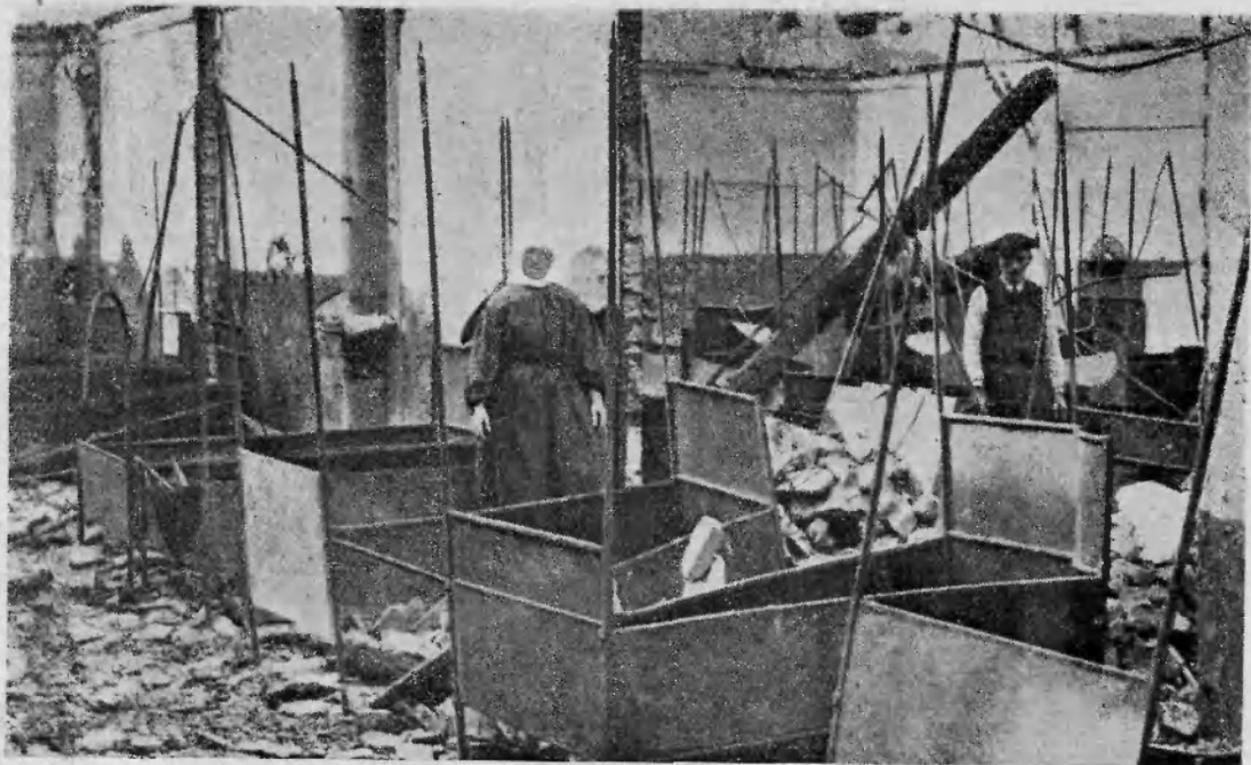
Процессію замыкали солдаты съ факелами, поджигавшіе повсемѣстно разбрызганный керосинъ.

Цвѣтущій Термондъ вспыхнулъ.

Вскорѣ его не стало.

Кто могъ и успѣлъ—бѣжалъ.

Изъ населенія въ 16.000 человекъ осталась слѣпая женщина съ ребенкомъ.

Госпиталь въ Термондѣ послѣ пожара.

Малинь...

Онъ до сихъ поръ упоминается въ народномъ эпосѣ, въ фламандскихъ сагахъ о Карлѣ V, имя котораго вѣками переходило изъ усть въ уста, какъ имя любимаго народнаго вождя.

Мѣстопробываніе примаса, главы духовенства.

Какъ часто у насъ говорятъ:

— Малиновый звонъ...

Говорятъ, въ огромномъ большинствѣ случаетъ и не подозрѣвая, что поминаютъ далекій городъ, въ храмѣ котораго висятъ колокола, дающіе возможность звонарю-виртуозу Джефу Денѣну исполнять чарующія мелодіи.

Старинныя зданія, представляющія собой замѣчательныя памятники архитектурнаго искусства...

Соборъ св. Ромбо, строившійся много сотенъ лѣтъ, съ башнями, не законченными еще и по сію пору...

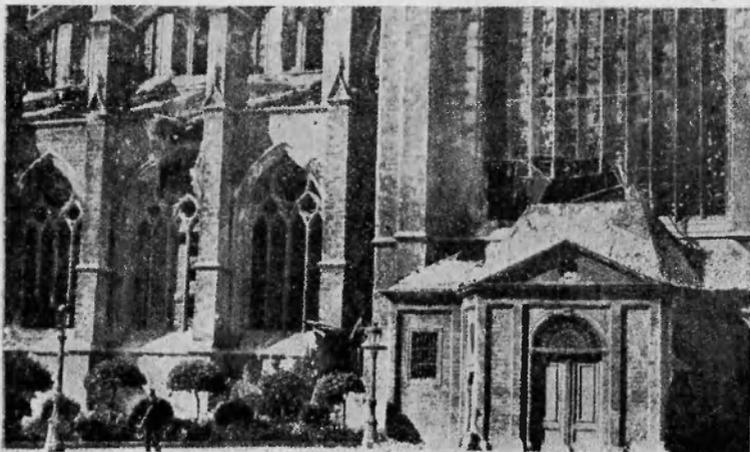
Дворецъ совѣта,— сооруженіе, восходящее къ эпохѣ Карла V...

Германцы пришли и бомбардировали.

«Всѣ дома,—повѣствуетъ пріѣзжій—буквально всѣ дома по улицамъ, гдѣ мы проходимъ, покинуты. Наглухо закрыты жалюзи, заперты двери, и въ замочную скважину видны опрокинутые стулья или разбитые стаканы на полу. Люди бѣжали впопыхахъ, заботясь только объ одномъ: забрать, что по-дороже и хорошенько запереть остальное. Самыя картины разгрома, гдѣ все-таки виденъ слѣдъ человѣческой руки, не производятъ такого впечатлѣнія мертвящей жути, какъ эти оглохшія и ослѣпшія улицы.

«Мой гидъ входитъ въ свою роль. Онъ мало знаетъ по французски, но очень старается. Вонъ въ томъ переулку упалъ «бумъ», тамъ, тамъ и тамъ. Начинаются

сплошные ряды разгромленных зданий. Улицы узелки; если съ одной стороны «бумъ» пробилъ стѣну, то стѣна, что напротивъ, густо забрызгана слѣдами пуль, гаекъ, осколковъ желѣза, гвоздей, всего того смертоноснаго мусора, которымъ наполняютъ боевые снаряды XX вѣка. Такимъ образомъ, каждый выстрѣлъ попадаетъ сразу въ двѣ цѣли. Сила ударовъ была, очевидно, неодинаковая. Иногда одна граната сдѣлала проломъ, въ который можно свободно пройти, не нагнувшись, или просто снесла полъ-стѣны, а иногда въ той же стѣнѣ она только разбросала кирпичи. Но больше всего пострадали тѣ дома, которые снаружи кажутся цѣлыми, только безъ стеколъ: это — дома, куда бомба ударила сквозь крышу. Въ такихъ домахъ разгромъ полный. Можно подумать, что десять чело-вѣкъ нарочно работали тамъ часами, чтобы все, все испортить. Здѣсь главный разрушитель — не снарядъ, а воздушный смерчъ, стиснутый въ четырехъ стѣ-

Пробитый гранатами фасадъ собора св. Ромбо въ Малинѣ.

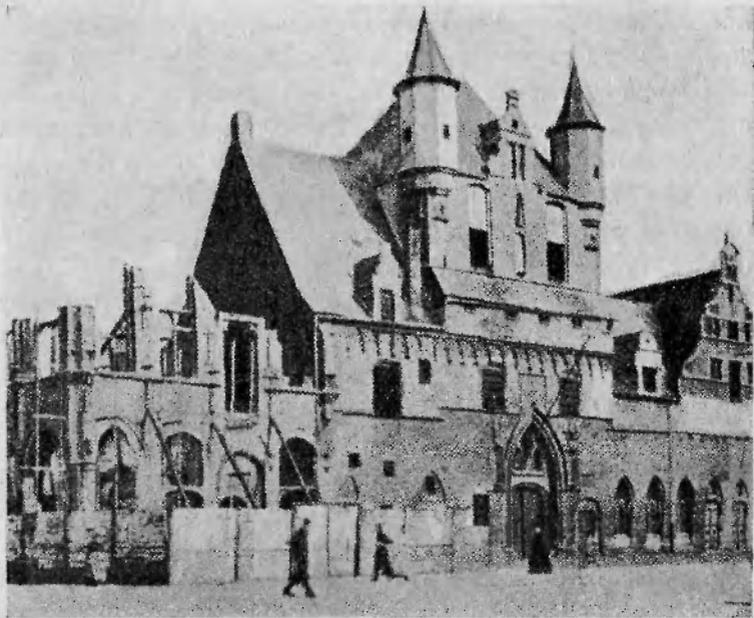
нахъ. Онъ срываетъ обои, срываетъ штофъ съ уцѣлѣвшаго кресла; заглядываешь въ шкафъ и видишь, что внутри его полки разбиты въ щепки. Нѣкоторые дома сгорѣли; съ тѣхъ поръ прошелъ уже мѣсяць, а весь переулокъ пахнетъ дымомъ.

«Гидъ мой пробирается въ одинъ домишко. Посреди дворика сидятъ старикъ и старуха нищенскаго вида; пожилая женщина стираетъ бѣлье, грязныя дѣти роются въ мусорѣ. Гидъ показываетъ мнѣ яму въ два метра шириной: это—«бумъ». Старикъ, слишкомъ бѣдный, чтобы бѣжать, спалъ вонъ тамъ, когда «бумъ» ударилъ въ самую серединку двора.

«Старуха шамкаетъ что-то по фламандски. Молодой человѣкъ смотритъ въ сторону и говоритъ: она проситъ милостыню. Женщина, которая стираетъ, тоже собралась съ духомъ и, криво улыбаясь, проситъ милостыню. Такъ и говоритъ: милостыню. А домишко, разбитый бомбой,—ея собственный домъ.

«Нѣсколько дальше мы нашли такую картинку. Это—домъ зажиточнаго портного, трехъэтажный домикъ. Передняя стѣна вся снесена и обломки загромождаютъ нижний этажъ; изъ груды осколковъ высовывается гдѣ кастрюля, гдѣ штаны, гдѣ стѣнной календарь. Но два верхнихъ этажа открыты, какъ декорация въ театрѣ. Наверху была дѣтская. Здѣсь стоитъ люлька, аккуратно прикрытая кисейнымъ одѣяломъ, которое, конечно, уже давно стало сѣраго цвѣта. Съ потолка виситъ розовый фонарикъ; онъ качается отъ вѣтерка, и его дешевая «пышная» оборка раздувается. На каминѣ уцѣлѣли большое зеркало и часы съ какими-то фигурами, которыхъ снизу нельзя рассмотреть. Въ углу шкафъ съ открытой створкой. Жили-были люди, портной съ супругой и ребенкомъ, и вдругъ»...

Поджоги и грабежи, разстрѣлы и изнасилованія, хищническія контрибуціи и поруганіе всего святаго,— вотъ вѣхи, какимъ обозначили прусскія каски свой путь по Бельгіи.

Разрушенная бомбардировкой ратуша въ Малинѣ.

Человѣчество никогда не узнаетъ полностью всего того, что происходило, ибо на-вѣки умолкло слишкомъ много голосовъ, которые могли бы рассказать объ этомъ.

То, что мы знаемъ, рассказали намъ дымящіяся развалины городовъ и деревень, разсѣянные по всей странѣ трупы, официальные сообщенія и замѣтки, найденныя при убитыхъ германскихъ офицерахъ.

Лишь тогда, когда будутъ разрыты развалины, можно будетъ страницу за страницей возстановить историю нашествія.

По всѣмъ большимъ дорогамъ, черезъ поля, черезъ лѣса, старики, женщины и дѣти тянулись сплошными массами, нагруженные своимъ жалкимъ скарбомъ, сопровождаемые босыми ребятишками, судорожно хватившимся за юбки своихъ матерей.

Шли безгласные, безъ единой слезы въ глазахъ, съ блуждающимъ взоромъ, съ блѣдными лицами и безкровными устами, и не было ничего болѣе трогательнаго, чѣмъ эта толпа, въ глубокомъ молчаніи безостановочно шедшая по направленію къ далекому горизонту...

Разбойничій образъ дѣйствій завоевателей, особенно въ занятыхъ ими мѣстностяхъ, повелъ къ тому, что появились люди, поставившіе себѣ цѣлью истребленіе какъ можно большаго количества насильниковъ, надругавшихся надъ ихъ родиной.

Маленькіе отряды партизановъ шныряли по лѣсамъ и болотамъ, вездѣ подстерегая ненавистныхъ враговъ и убивая ихъ безъ капли сожалѣнія.

Многіе отдали для этой цѣли свои автомобили, на изящныхъ лимузинахъ были установлены пулеметы, и партизаны, разѣзжая по дорогамъ, разстрѣливали отдѣльныя группы германцевъ.

Женщины отдавъ родинѣ своихъ отцовъ и братьевъ, мужей и сыновей, сами вооружились чѣмъ попало и стали уничтожать завоевателей изъ засадъ.

Отрывокъ изъ письма германскаго солдата, воспроизведенный въ «Vorwärts»:

«Весь лѣсъ полонъ былъ вольными стрѣлками. Подъ однимъ деревомъ мы нашли 14-лѣтняго маль-

чугана, стрѣлявшаго въ насъ. Скоро онъ висѣлъ на этомъ деревѣ. Около одной деревни въ насъ выстрѣлили. Мы обыскали всѣ дома, около 200, всюду нашли мужчинъ, женщинъ и мальчишекъ съ ружьями и револьверами. Можете представить наше бѣшенство. Болѣе 150 человекъ мы разстрѣляли, между ними 30 женщинъ, и подожгли всѣ дома по-одиночкѣ. Нѣкоторые негодяи, охваченные пламенемъ, выбѣгали изъ домовъ. То же мы сдѣлали и съ сосѣдней деревней. Она и ея жители больше не существуютъ. Въ деревнѣ, черезъ которую мы проѣхали, полусумасшедшій старикъ съ ребенкомъ сидѣли на кучѣ обгорѣлыхъ остатковъ и ѣли сырую свеклу. Около бродили четыре козы. Это все, что осталось отъ большого, цвѣтущаго мѣстечка».

XII. На закланіе.

Несмотря на беспощадную расправу съ ними, партизаны не ослабляли своей дѣятельности, особенно—развѣдочной.

Они добывали и доставляли, куда слѣдуетъ, свѣдѣнія о расположеніи и численности непріятели.

Въ этомъ отношеніи содѣйствіе ихъ было тѣмъ болѣе цѣнно, что король Альбертъ оказался представленнымъ самому себѣ.

Какъ только германцы заняли Брюссель, французское правительство опубликовало сообщеніе:

«Франція преисполнена рѣшимости приложить всѣ усилія къ освобожденію бельгійской территоріи отъ непріятели и считаетъ, что задача ея будетъ выполнена лишь тогда, когда въ Бельгій не останется ни единого

германскаго солдата. Судьбы обѣихъ странъ неразрывно связаны между собой. Въ виду стратегическихъ соображеній не было возможности ранѣе принять участія въ защитѣ Бельгіи совмѣстно съ бельгійскою арміей».

«Всякій изъ насъ,—почти тогда же заявилъ въ палатѣ общинъ военный министръ лордъ Китченеръ,—радовался бы при видѣ того, какъ англичане ведутъ отчаянную борьбу противъ превосходныхъ силъ не-

Остатки Термонда.

приятеля оокъ о оокъ съ храбрыми бельгійцами, но обстоятельства не предоставили англичанамъ этой возможности».

Вражеская лавина, главная часть которой двигалась черезъ Бельгію, навалилась на союзниковъ какъ разъ къ той порѣ, когда они едва успѣли стянуться, чтобы преградить ей путь на границѣ Франціи.

Предпринятое генералиссимусомъ Жоффромъ наступленіе, во время котораго бельгійцы тщетно пытались протянуть руку союзникамъ,—ихъ отдѣляли другъ отъ друга всего 40 верстъ,—не имѣло успѣха, такъ какъ было поведено съ недостаточными силами: на сторонѣ германцевъ оказался полоторный перевѣсъ.

Въ результатѣ, во избѣжаніе охвата лѣвый флангъ союзниковъ сталъ загибаться назадъ, въ соотвѣтствіи съ этимъ началъ отходить центръ и, такимъ образомъ, бельгійцамъ пришлось пока оставить надежду на помощь: германцы угрожали Парижу...

Совершенно отрѣзанный отъ союзниковъ,—король Альбертъ неоднократно обрушивался на выставленный противъ него заслонъ.

Тогда германцы рѣшили закупорить одинокаго бойца въ Антверпенѣ и съ этой цѣлью снова пошли на отбитые у нихъ Малинь и Термондъ.

Вся мѣстность между этими городами—ниже уровня моря.

Рѣки Шельда, Дендеръ и Рюпель, а также сѣтъ каналовъ, орошающихъ этотъ районъ, отличаются тѣмъ, что въ зависимости отъ морскихъ приливовъ дважды въ день, вода въ нихъ поднимается приблизительно на 6 аршинъ выше ординара.

Чтобы оградить поля отъ периодическаго затопле-

нія, при Наполеонѣ было приступлено къ сооруженію широкихъ земляныхъ насыпей по берегамъ.

Сторона ихъ, обращенная къ полямъ, имѣеть до 4 аршинъ вышины. Края скошены, а пзверху проложены прекрасныя дороги. Благодаря этимъ загражденіямъ и цѣлой системѣ осушительныхъ канавъ малинскія и термондскія поля были обращены населеніемъ въ превосходныя огороды.

Дворъ ратуши въ Малинѣ.

Когда обнаружилось, что германцы хотятъ отрѣзать Антверпенъ отъ побережья, бельгійскіе инженеры устроили передъ Малиномъ въ насыпяхъ, по берегамъ рѣкъ и каналовъ, рядъ колодцевъ съ квадратными отверстіями въ 70 сантиметровъ по ребру, глубиною въ 4 аршина.

У основанія колодцевъ, въ обѣ стороны, къ рѣкѣ или къ каналу, съ одной стороны, и по направленію къ полю, съ другой, они провели галлерей длиною въ 4 сажени.

Эти галлерей были наполнены взрывчатыми веществами и затѣмъ засыпаны землею, а посредствомъ проволоки взрывчатое вещество соединено было съ электрической станціей въ Малинѣ.

Когда наступилъ морской приливъ и вода во всей системѣ поднялась на 6 аршинъ выше ординара, германцевъ подпустили какъ разъ къ тому мѣсту, гдѣ были устроены колодцы, нажали кнопку, и въ десяткѣ мѣстъ насыпи были взорваны, а вода подъ страшнымъ напоромъ полилась въ отверстія.

Черезъ четверть часа эти отверстія были размыты: вода съ шумомъ вливалась въ окрестныя поля и жскорѣ повсюду стояла на высотѣ, по крайней мѣрѣ, полтора аршинъ.

Въ водѣ погибло нѣсколько германскихъ полковъ въ полномъ составѣ, вмѣстѣ съ артиллеріей и боевыми снарядами.

Въ то время какъ люди и лошади бились въ водѣ, гарнизонъ Антверпена преслѣдовалъ другіе германскіе полки.

Кто могъ, взбирался на деревья, на крыши домовъ, на телеграфныя столбы, но большинство въ паникѣ бѣжало отъ надвигавшагося потопа.

Понеся крупный уронъ, германцы свернули на Термондъ, передъ которымъ мѣстность еще ниже, а насыпи соотвѣтственно выше.

Разумѣется, и здѣсь въ насыпяхъ были устроены такія же приспособленія для взрывовъ, такъ что спасшися у Малина погибли подъ Термондомъ, гдѣ цвѣтущія поля также вскорѣ превратились въ глубокія болота со множествомъ озеръ и прудовъ.

Взорванный бельгійцами мостъ въ Термондѣ.

Въ общемъ затопленію подверглась площадь почти въ 200 квадратныхъ верстъ.

Жертва—безмѣрная.

Дѣло въ томъ, что непосредственный ущербъ отъ затопленія даже сравнить нельзя съ косвенными послѣдствіями этого акта:

Населеніе сѣверной Бельгійи занимается преимущественно земледѣліемъ, которое теперь убито на много лѣтъ, такъ какъ почва покрылась слоемъ морской соли...

ХІІІ. У стѣнѣ Антверпена.

Потерпѣвъ поражение, германцы обратились къ королю Альберту съ новымъ предложеніемъ перемирія вплоть до конца войны на томъ условіи, чтобы къ югу отъ Антверпена была проведена разграничительная линія:

Ея не должны переходить обѣ арміи...

Области, лежащія сѣвернѣ этой границы, будутъ находиться подъ бельгійскимъ управленіемъ, а расположенныя южнѣ—подъ германскимъ...

Желаніе противника обезпечить себѣ свободу дѣйствій къ югу отъ Антверпена было вполне понятно.

Германцы опасались за пути сообщенія, связывавшіе ихъ съ базой въ Аахенѣ, отъ котораго главныя силы отдѣлились на 400 верстъ.

Имъ было крайне необходимо обезпечить свой тылъ, чего можно было достигнуть только пригвоздивъ бельгійцевъ къ сѣверу отъ магистрали Аахенъ—Льежъ—Намюръ—Шарлеруа.

Предложеніе было отвергнуто.

Фонъ-деръ-Гюльцъ въ свою очередь постѣтилъ въ Малинѣ кардинала Мерсье и отъ имени императора Вильгельма просилъ его употребить все свое вліяніе въ интересахъ скорѣйшаго возстановленія вообще нормальной жизни въ странѣ и постараться склонить бельгійцевъ къ болѣе дружелюбному отношенію къ германцамъ.

Кардиналъ возразилъ:

— Я не могу насиловать естественныхъ чувствъ бельгійцевъ, которые перенесли слишкомъ много страданій. Очень трудно оказать какое-либо воздѣйствіе на бельгійское населеніе, такъ какъ большая часть

его разбѣяна въ пограничныхъ областяхъ сосѣднихъ государствъ и питается въ буквальномъ смыслѣ милостыней.

На это намѣстникъ отвѣтилъ:

— Мы считаемся лишь съ реальными величинами, а не съ чувствами. Если бы бельгийцы съ самага начала избрали другой образъ дѣйствій, то Бельгія не была бы вычеркнута изъ политической карты Европы.

— Ваше превосходительство, бельгийцы, быть-можетъ, такой цѣной купали бы себѣ свое политическое существованіе, но этотъ позоръ былъ бы равносильнъ полной гибели ихъ національнаго самосознанія.

Фонъ-деръ-Гольцъ вмѣсто отвѣта вручилъ кардиналу письмо, сказавъ при этомъ:

— Мой вѣнценосный повелитель поручилъ мнѣ просить васъ передать это письмо королю Альберту. Я знаю, что мой государь, несмотря на всѣ жертвы, понесенныя нами въ Бельгіи, сохранилъ по отношенію къ вамъ лучшія чувства и питаетъ живѣйшее сочувствіе къ королевской фамиліи. Онъ не остановится ни передъ чѣмъ, лишь бы достигнуть какого-нибудь соглашенія.

— Я предпочелъ бы, чтобы вы на кого-нибудь другого возложили эту миссію,—отвѣтилъ кардиналъ.

Намѣстникъ, послѣ короткаго молчанія, замѣтилъ:

— Я не допускаю мысли, чтобы вы въ качествѣ прелата способны были ухудшить бѣдственное положеніе этого несчастнаго, сбитаго съ толку народа.

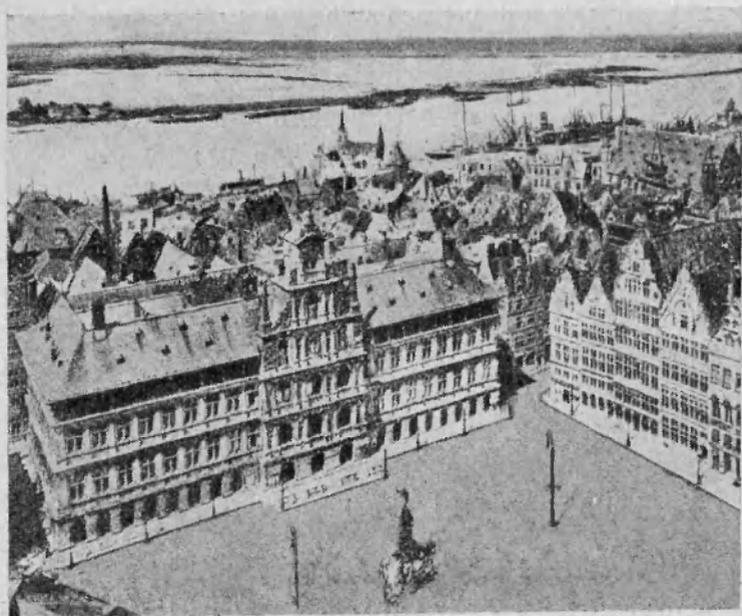
— Именно, въ качествѣ служителя церкви я не могу увлекать мой народъ на путь измѣны законному государю и угашать героическій духъ моего народа...

— Имѣйте въ виду, что это, быть можетъ, послѣдняя попытка найти почву для соглашенія съ вами; послѣ этого мы будемъ поступать съ вами по точному

смыслу стариннаго изреченія: «Горе побѣжденнымъ».

Закончилъ фонъ-деръ Гольцъ угрозою:

— Полагаю, что буду вынужденъ обратить на васъ особое вниманіе!

Ратуша въ Днтверпенѣ.

Между тѣмъ наше стремительное наступленіе въ восточную Пруссію и блестящая побѣда въ восточной Галиціи, какъ мощный электрическій разрядъ, передались съ востока на западъ и заставили германцевъ судорожно сократиться къ тому моменту, когда имъ уже маячила Эйфелева башня:

Нѣсколько германскихъ корпусовъ было взято съ запада на востокъ.

Въ результатъ, волна непріятельскаго нашествія, докатившись до Парижа, кровавыми брызгами разбила о плотину, поставленную передъ ней генералиссимусомъ Жоффромъ, и отхлынула назадъ.

Обошедшіе превратились въ обойденныхъ.

Лѣвый флангъ союзниковъ сталъ загибаться впередъ, и германцы во избѣжаніе охвата начали пятиться обратно.

Тѣмъ ярче обрисовалась передъ ними необходимость покончить съ нависшимъ надъ ихъ путями сообщенія Антверпеномъ.

Быль данъ лозунгъ:

— Взять или умереть!

Когда германцы стали готовиться къ осадѣ Антверпена, вездѣ думали, что онъ выстоитъ.

Таково было общее мнѣніе, сложившееся подъ влияніемъ чрезвычайно высокой оцѣнки крѣпости специалистами.

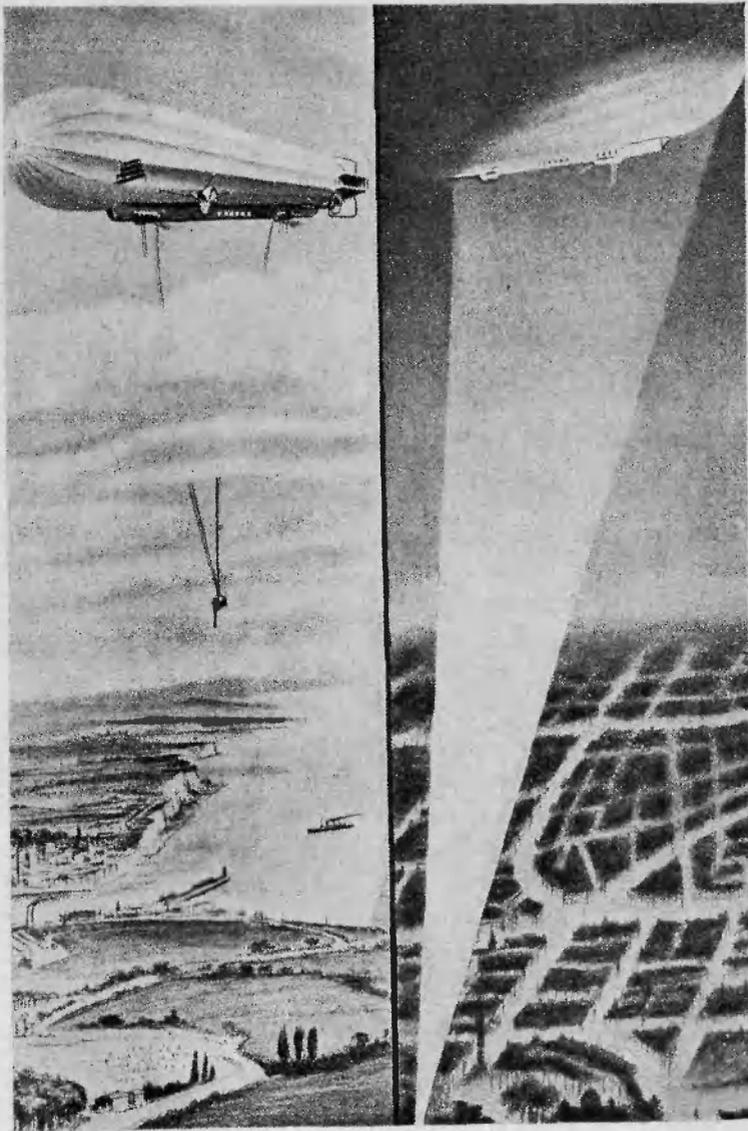
Одни находили ее совершенно неприступной.

Другіе приписывали ей способность успѣшно сопротивляться не менѣе года натиску цѣлой арміи въ 300.000 человѣкъ.

Упустили изъ виду, что для обороны Антверпена, фортификаціонный поясъ котораго имѣлъ въ окружности 125 верстъ, нужно не менѣе 150.000 человѣкъ, — контингентъ, какимъ защита далеко не располагала.

Что при сооруженіи даже болѣе новыхъ фортовъ не могла быть учтена мощность новѣйшихъ орудій, какъ 16-дюймовыя мортиры.

Наконецъ, — и это главное, — что законопроектъ 1906 года о существенномъ усиленіи крѣпости остался на бумагѣ въ качествѣ вѣщаго доказательства, до чего далеки были бельгійцы отъ мысли о возможности войны,

Цепелинъ—днемъ и ночью—при осадѣ Антверпена.

которую съ такимъ рвеніемъ подготовлялъ современный Аттила и въ частности ихъ ближайшій сосѣдь, докторъ философіи Круппъ.

Зная все это, бельгійцы не строили себѣ въ этомъ случаѣ никакнхъ иллюзій, бывшихъ столь картинными за рубежомъ.

Слѣдующіе факты указываютъ, насколько разработаны были Германіей всѣ детали вторженія въ Бельгію и какая сѣть шпионовъ покрывала эту страну.

Въ то время какъ одна часть города была обстрѣляна германскими цеппелинами, другая часть, гдѣ находились главные банки и хранилища художественныхъ цѣнностей, не была обстрѣляна ни разу: повидимому, германцы хотѣли получить наиболѣе цѣнные вещи нетронутыми, будучи прекрасно освѣдомлены о мѣстахъ ихъ нахождения.

Вокругъ всей крѣпости былъ проложенъ кабель, который электризовалъ всѣ проволочныя загрождения, расположенныя передъ фортами.

Несмотря на бдительность часовыхъ, этотъ кабель трижды былъ найденъ перерѣзаннымъ германскими шпионами, видимо, находившимися въ предѣлахъ укрѣпленій, такъ какъ на горизонтѣ еще не появлялись германскія войска.

На крышѣ германской школы въ Антверпенѣ была обнаружена станція беспроволочнаго телеграфа колоссальной мощности, при чемъ ее обслуживалъ учебный персоналъ.

Очень интересенъ способъ свѣтовой сигнализаци, къ которой прибѣгали находившіеся въ городѣ германскіе шпионы.

Фонари уличнаго освѣщенія устроены въ немъ не на столбахъ, а на кронштейнахъ, прикрѣпленныхъ къ

стѣнамъ домовъ: они представляютъ собой лампы съ рефлекторами для усиленія свѣта, падающаго на улицу.

И вотъ надъ тѣми мѣстами, куда попали брошенные ночью съ цеппелиновъ бомбы, всѣ эти лампы оказались перевернутыми такимъ образомъ, что рефлекторы давали сильный свѣтъ вверхъ, тѣмъ самымъ указывая цѣль для метанія бомбъ.

Осадный корпусъ германцевъ состоялъ изъ 125.000 человекъ съ многочисленной тяжелой артиллеріей въ количествѣ до 200 орудій.

Дѣйствія непосредственно противъ крѣпости начались 15 сентября съ бомбардировки юго-восточныхъ фортовъ, которые были разрушены черезъ недѣлю.

Паденіе цѣлаго сектора внѣшней оборонительной линіи вынудило бельгійцевъ къ отступленію за р. Нету, гдѣ они стоически отражали бѣшенныя атаки противника, пытавшагося форсировать переправу.

Германскіе военачальники, памятуя о повелѣніи покончить съ Антверпеномъ во что бы то ни стало, непрерывно посылали густыя колонны на смѣну скошеннымъ и, нагромоздивъ горы труповъ, добились своего.

Перейдя 23 сентября черезъ р. Нету, которая окрасилась въ алый цвѣтъ, и оттѣснивъ бельгійцевъ къ внутренней оборонительной линіи, состоявшей изъ временныхъ укрѣпленій, германцы установили свою тяжелую артиллерію въ 6 верстахъ отъ города.

На слѣдующій день командиръ осаднаго корпуса генералъ Гезелеръ прислалъ коменданту Антверпена генералу де-Гизъ увѣдомленіе о предстоящей бомбардировкѣ города и сообщилъ посланнику Соединенныхъ Штатовъ въ Бельгии, что, желая уберечь историческія зданія и церкви отъ бомбардировки, онъ сдѣлалъ соотвѣтствующее распоряженіе, если только

бельгийское правительство **дать** обязательство не пользоваться ими для военныхъ цѣлей и если американскій консулъ будетъ лично наблюдать, чтобы это обязательство было исполнено.

Бельгийцы приняли это предложение и даже передали въ германскій штабъ планъ расположенія историческихъ зданій.

Король Альбертъ упорно не соглашался уѣхать и уступилъ лишь настойчивымъ указаніямъ офицеровъ на то, что его пребываніе въ Антверпенѣ нисколько не измѣнитъ хода событій.

Когда онъ сѣлъ въ автомобиль, толпы народа рода устроили ему бурную овацію, несмотря на весь ужасъ положенія.

Населенію были объявлены правила поведенія во время бомбардировки:

1. Когда въ городъ попадетъ первый снарядъ, скройтесь въ погреба. Не забывайте захватить съ собой провизию. Лѣстницы, ведущія въ погреба, полезно устлать матрацами.

2. Входныя двери въ погреба забаррикадируйте матрацами и мѣшками, наполненными землей.

3. Держите неподалеку отъ себя ковши съ водой, чтобы тушить пожаръ въ самомъ началѣ.

4. Закрывайте газовые рожки.

5. Запирайте на ключъ всѣ шкапы.

6. Обезпечьте себѣ выходъ изъ погребовъ и сидите по возможности по угламъ подъ прикрытіемъ прочной стѣны.

7. При соблюденіи этихъ предосторожностей вамъ нечего бояться бомбардировки.

Съ истинно германской пунктуальностью первая бом-

ба упала въ Антверпенъ въ тотъ моментъ, когда городскіе часы били полночь.

Это было сигналомъ къ началу сушаго урагана или вулканическаго изверженія: съ промежутками въ нѣсколько секундъ раздавался грохотъ пушекъ, безостановочно, часъ за часомъ.

Можно было ясно различить адскій подземный гулъ громадныхъ мортиръ, такъ какъ онъ рѣзко отличался отъ грохота пушекъ болѣе мелкаго калибра.

Къ темному небу поднимался цѣлый фейерверкъ изъ снарядовъ, которые разрывались и разсыпались кругомъ, словно гигантскія звѣзды.

Въ разныхъ мѣстахъ вспыхнули пожары.

Гигантскими кострами запылали резервуары съ керосиномъ на берегу р. Шельды, надъ которыми поднялась и повисла туча медленно клубившагося дыма.

Горѣвшій керосинъ разлился и заставилъ отойти отъ побережья рѣчныя суда, вслѣдствіе чего толпы бѣглецовъ остались на пристаняхъ, и многіе гибли, падая въ пролетъ между пристанями и пароходами.

Количество мѣстъ на пароходахъ, которые съ величайшимъ трудомъ удалось подать вплотную, было ничтожно въ сравненіи съ массой искавшихъ спасенія.

Развертывались чудовищныя сцены.

Стоялъ сплошной стонъ и плачь.

Поѣзда отправлялись отъ ближайшей станціи—вокзалъ въ городѣ уже былъ разрушенъ—и также не могли принять всѣхъ хлынувшихъ сюда.

Потрясающимъ трагизмомъ библейскаго исхода была запечатлѣна картина очищенія Антверпена тѣми, кому не довелось попасть ни на рѣчныя суда, ни на поѣзда.

Примѣнялись всевозможныя средства передвиженія, отъ автомобилей до запряженныхъ собаками или руч-

Антверпенскіе бѣженцы на пристаняхъ.

Исходъ.

ныхъ телѣжекъ, тачекъ и колясокъ, нагруженныхъ всякой кладью.

Колонна людей и животныхъ, шедшихъ за повозками растянулась на 20 миль.

Мужчины и женщины, сильные и слабые, слѣпые, которыхъ вели подростки, матери съ грудными младенцами на рукахъ, дѣти по-старше, везшіе колясочки своихъ маленькихъ братьевъ и сестеръ, слабыя, нѣжныя дѣвушки, сгибавшіяся подъ непосильной нашей, изящно одѣтыя дамы и нищенки въ лохмотьяхъ, старики, опиравшіеся на палки,—таковъ былъ этотъ скорбный cortege изъ 300.000 человекъ.

Колоссальнымъ лагеремъ раскинулись эти бездомные по всему югу Голландии.

Имъ развозили пищу, и когда какой-нибудь автомобиль съ провіантомъ останавливался, чтобы передать пайки хлѣба и мяса группѣ бѣженцевъ, сотни другихъ страдальцевъ налетали на него изъ кустовъ и канавъ, гдѣ они лежали, изъ сараевъ и хижинъ, которые они заняли, вытѣснивъ милосердныхъ хозяевъ.

Въ этомъ налетѣ сотенъ обезумѣвшихъ и голодныхъ людей участвовали и бывшіе богачи, и всегдашніе бѣдняки, и интеллигенты, и крестьяне,—всѣ, уравненные великимъ ужасомъ и великой мукой.

Иныя изъ нихъ устроили себѣ подобіе убѣжищъ изъ простынь, соломы и шестовъ, сдѣлавъ средоточіемъ своихъ новыхъ жилищъ приволоченные съ собой диваны: втыкали палки и покрывали ихъ цыновками.

Всюду появились листки, приклеенные къ заборамъ, приколотые къ сучкамъ: такъ члены разъединенныхъ семей указывали другъ другу, куда они направились, но развѣ можно было отыскать и прочесть въ этой массѣ нужный листокъ?

А волна все росла и росла, катясь все дальше и дальше...

Население покидает Антверпень.

Пока население покидало городъ, защитники продолжали ожесточенное сопротивление на внутренней оборонительной линіи.

Они имѣли возможность держаться еще нѣкоторое время, но съ каждой минутой положеніе становилось все

рискованнѣе: противникъ легко могъ сомкнуть свое кольцо и запереть всю бельгійскую армию въ Антверпенѣ.

Поэтому было принято весьма цѣлесообразное рѣшеніе: очистить полу-разрушенную крѣпость.

Передъ уходомъ взорвали нѣсколько уцѣлѣвшихъ фортовъ, арсеналы и 52 германскихъ парохода, которые были задержаны въ порту, когда началась война.

Переговоры о сдачѣ за отсутствіемъ военныхъ властей велъ бургомистръ Франкъ, выкинувшей на укрѣпленіяхъ бѣлый флагъ.

Вечеромъ 26 октября Антверпенъ сдался.

На оставшееся населеніе была наложена контрибуція въ 125 милліоновъ франковъ, а въ обезпеченіе уплаты— арестъ на суммы муниципальныхъ кассъ и частныхъ банковъ.

Всѣ расходы по содержанію германскихъ войскъ были возложены на городской совѣтъ.

Новый губернаторъ баронъ Шутцъ помѣстился въ королевскомъ дворцѣ и обязалъ жителей снимать шляпы передъ прусскими касками.

Для устрашенія жителей на главныхъ площадяхъ и бульварахъ были выставлены пушки и митральезы.

Какъ хорошо похозяйничали солдаты въ этомъ городѣ, видно изъ слѣдующаго приказа:

«Войскамъ строго воспрещается производить самовольныя реквизиціи. Реквизиціи допускаются только на основаніи правительственныхъ ордеровъ, находящихся у офицеровъ, и касаются только предметовъ необходимыхъ по службѣ. Предметы, необходимые для личнаго употребленія, ни подъ какимъ видомъ не должны требоваться по праву реквизиціи, а должны оплачиваться въ Антверпенѣ наличными.

Антверпенскіе бѣженцы въ окрестностяхъ Розендаала въ Голландіи.

«Ни подъ какимъ видомъ, не разрѣшается разрушать дома, вламываться въ квартиры и угрожать словами или оружіемъ частнымъ лицамъ.

«Войска должны строго слѣдить за тѣмъ, чтобы подобныя правонарушенія больше не повторялись, такъ какъ онѣ не только подрываютъ нашъ авторитетъ, но и стоятъ въ противорѣчій съ условіями сдачи города.

Комендантъ
генераль-майоръ
фонъ-Боденгаузенъ».

За 12 вѣковъ своего существованія Антверпенъ вынесъ шесть осадъ:

1547, 1706, 1746, 1792, 1814, 1832...

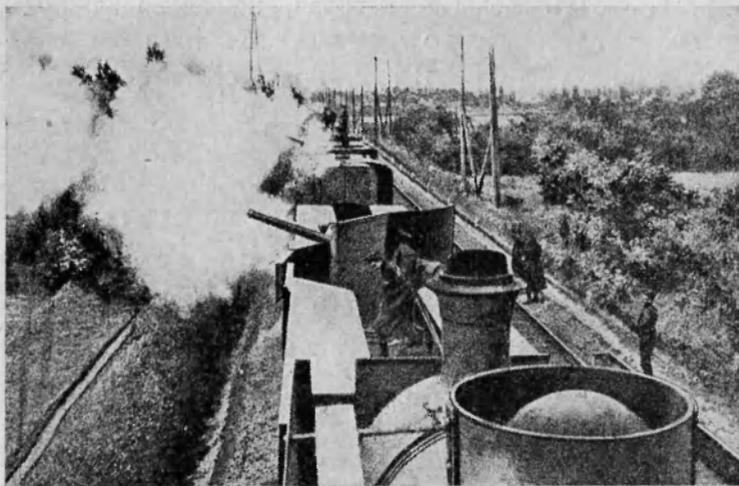
Онъ видѣлъ въ своихъ стѣнахъ испанцевъ, австрійцевъ, французовъ, англичанъ, голландцевъ...

Седьмая осада привела въ этотъ сѣдой городъ германцевъ, которыхъ особымъ приказомъ пришлось удерживать отъ хищничества, какого не позволяли себѣ даже морскіе разбойники, не однажды въ давнія времена заходившіе на своихъ обитыхъ мѣдью челнахъ въ устье р. Шельды и неизмѣнно щадившіе зданія и сокровища Антверпена.

XIV. На чужбинѣ.

Отступление бельгійской арміи, несмотря на всѣ усилія противника отрѣзать ей путь, состоялось вполне благополучно: удалось вывести всѣ морскія тяжелыя орудія и блиндированные поѣзда.

Растаявшая до 75.000 человек,—она соединилась съ союзниками: лѣвый флангъ ихъ, тѣсня непріятеля, достигъ къ этому времени побережья Сѣвернаго моря.

Бельгійскій блиндированный поѣздъ.

Здѣсь эта горсть неутомимыхъ борцовъ стала на защиту крошечной полоски родной земли, на которой еще могли развѣваться ихъ гордыя знамена.

Узнавъ о выѣздѣ бельгійскаго правительства въ Остенде, куда уже приближались германцы, президентъ Пуанкаре предложилъ королю Альберту гостеприимство Франціи.

Предложеніе было принято.

Покидая отечество, бельгійское правительство обратилось къ населенію съ воззваніемъ:

«Вотъ уже два съ половиной мѣсяца, какъ наши солдаты геройски отстаиваютъ родную землю.

«Непріятель рассчитывалъ уничтожить бельгійскую

армию въ Антверпенѣ. Однако, отступление, совершенное въ безукоризненномъ порядкѣ и не запятнавшее чести бельгійской армии, обезпечило цѣлость вооруженныхъ силъ Бельгии, которая, не покладая рукъ, продолжаетъ борьбу во имя высокихъ идеаловъ справедливости. Тѣмъ не менѣе, правительству временно необходимо перенести свое мѣстопробываніе туда, гдѣ оно имѣло бы возможность продолжать свою дѣятельность, не прерывая осуществленія суверенныхъ правъ государства. Поэтому правительство покидаетъ Остенде и на-время избрало своимъ мѣстопробываніемъ Гавръ, гдѣ республика, проявляя свою благородную дружбу къ правительству, предоставляетъ ему пользоваться всей полнотою своихъ суверенныхъ правъ и неограниченной свободой осуществленія своей власти и своего долга.

«Временное испытаніе, которому должно покориться наше чувство патриотизма, получить скорое отмщеніе. Бельгія остается достойной всеобщаго уваженія и выйдетъ изъ нынѣшняго испытанія увѣнчанной ореоломъ еще большаго величія, ибо она пострадала за право и цивилизацію».

Тогда же король Альбертъ сказалъ представителямъ нейтральныхъ державъ:

«Я не теряю надежды, хотя вынужденъ временно покинуть бельгійскую территорію. Бельгійская армія отступила, но она находится въ превосходномъ состояніи и заняла весьма благоприятную позицію. Всѣ бельгійцы и я готовы умереть за независимость страны. Я испытываю чувство глубокой жалости при мысли о томъ, что наша прекрасная страна, населеніе которой было всецѣло предано мирному труду, подверглась нашествію жестокихъ варваровъ. Я отдаю себѣ отчетъ въ

Развалины стариннаго храма въ Монсѣ.

томъ, что всѣ дѣйствія бельгійскаго правительства удостоились одобренія не только Бельгii, но и всего цивилизованнаго мира. Намъ предстоитъ еще много страданiй, но наша вѣра въ конечную побѣду теперь сильнѣе, чѣмъ когда бы то ни было. Мы побѣждены, но не уничтожены».

По прибытiи въ Дюнкирхенъ, бельгiйскiй премьеръ привѣтствовалъ президента.

«Бельгiйское правительство въ минуту, когда случайности войны приводятъ его на гостеприимную территорию великой нации, связанной узами дружбы съ Бельгiей, считаетъ своимъ долгомъ засвидѣтельствовать главѣ республики свои чувства глубокаго уваженiя и просить его принять выраженiе непоколебимой вѣры въ конечное торжество права».

Пуанкаре отвѣтилъ:

«Францiя съ гордостью окажетъ на своей территории гостеприимство правительству благороднаго народа, съ такимъ геройствомъ отстаивающаго свою национальную независимость и поправныя права. Республика не отдѣляетъ интересовъ Бельгiи отъ интересовъ Францiи. Увѣренность въ конечной побѣдѣ облегчитъ временныя испытанiя, изъ которыхъ Францiя и Бельгiя выйдутъ связанными еще болѣе тѣсными узами дружбы».

Вечеромъ 29 сентября пароходъ съ бельгiйскимъ правительствомъ, чинами министерствъ, папскимъ нунциемъ, чинами дипломатическаго корпуса, 225 чиновниками и отрядомъ жандармерiи въ 125 человекъ отдалъ якорь въ Гаврѣ.

Прибывшие были встрѣчены морскимъ министромъ Оганьеромъ, начальникомъ церемонiальной части Вильямъ-Мартеномъ, префектомъ города, сенаторами и де-

путатами Нижней Сены, меромъ, членами муниципалитета и несмѣтной толпой, которая привѣтствовала бельгійское правительство восторженной оваціей.

Въ предоставленіи на чужбинѣ королю Альберту и бельгійскому правительству всей полноты суверенныхъ правъ и неограниченной свободы осуществления власти иные видѣли просто утѣшеніе страдальцамъ.

Утѣшеніе государю безъ государства и управляющимъ безъ управляемыхъ.

Далеко не такъ...

Этимъ актомъ тройственное согласіе заявило, что для него можетъ идти рѣчь лишь о временномъ занятіи Бельгіи противникомъ, но никакъ не о постоянномъ владѣніи ею.

И что эта краткосрочная оккупация ни въ малѣйшей степени не въ состояніи заставить тройственное согласіе признать всю полноту суверенныхъ правъ и неограниченную свободу осуществления власти въ Бельгіи за императоромъ Вильгельмомъ и германскимъ правительствомъ.

Право—въ Гаврѣ.

Въ Брюсселѣ—насиліе.

Насиліе будетъ сломлено, и на его мѣстѣ водворится право.

Вотъ о чемъ прогремѣла якорная цѣпь въ тотъ моментъ, когда пароходъ съ бельгійскимъ правительствомъ и аккредитованными при немъ посланниками ошвартовался въ Гаврѣ...

Оттуда писали:

«Дѣятельность бельгійскаго правительства въ новой столицѣ протекаетъ нормально. Каждое утро въ тотъ моментъ, когда надъ зданіемъ, гдѣ помѣщается правительство, взвиваются національные флаги, разыгры-

ваются потрясающія сцены. Тысячная толпа, слышавъ знакомые трубные сигналы, отвѣчаетъ на нихъ восторженными кликами: да здравствуетъ Бельгія! Многіе плачутъ. Солдаты берутъ на карауль. Офицеры произносятъ краткія патріотическія рѣчи. Послѣ этого чиновники министерствъ и офицеры салютуютъ національному флагу и вмѣстѣ съ толпою заканчиваютъ возгласами: да здравствуетъ король Альбертъ!»

Онъ перенесъ свою главную квартиру въ Дюнкирхенъ и здѣсь воззвалъ къ соратникамъ:

Оборона деревни.

«Офицеры, унтеръ-офицеры и солдаты!

«Ваше доблестное сопротивленіе врагамъ поразило весь міръ и преисполнило его чувствомъ восхищенія передъ бельгійской націей. Эта нація, благодаря вашему героизму, выросла въ глазахъ всей вселенной, и отны-

иъ достаточно будетъ называться бельгийцемъ, чтобы видѣть проявленія почтительной симпатіи: благодаря вамъ совершилось это чудо.

«Въ то время когда почти вся Бельгія занята борьбой съ непріятельскими ордами, за континентомъ наша страна пользуется престижемъ, еще небывалымъ въ лѣтописяхъ истории, и независимость Бельгіи обезпечена лучше, чѣмъ когда-либо.

«Офицеры, унтеръ-офицеры и солдаты!

«Вы сражаетесь уже болѣе двухъ мѣсяцевъ съ геройскимъ мужествомъ и съ рѣдкой энергіей.

«Вы не могли спасти страну отъ ужаснаго разрушенія. Но Бельгія не покорена, и армія не уничтожена. Поддержка рекрутовъ и добровольцевъ поможетъ арміи оправиться. Она будетъ продолжать борьбу рука объ руку съ союзниками, англичанами и французами.

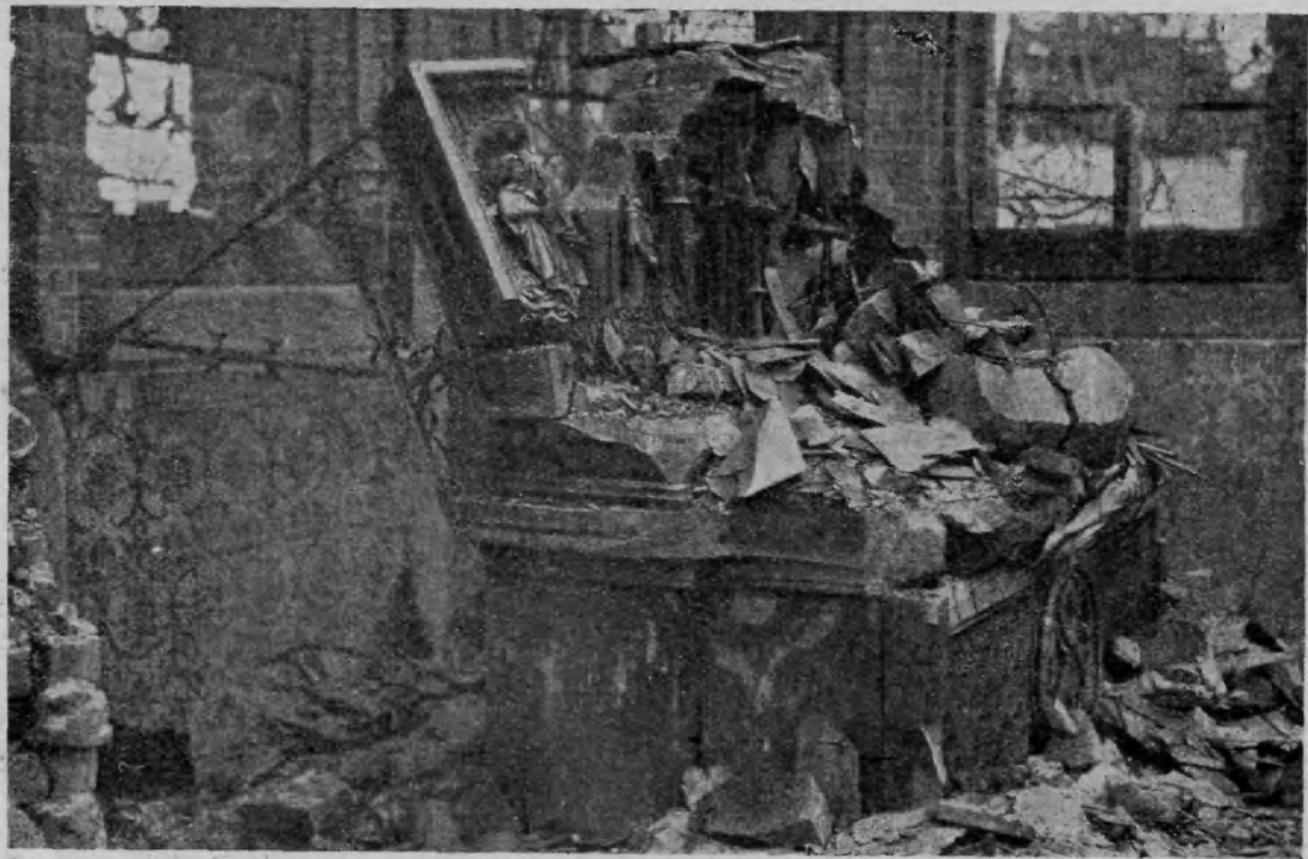
«Соединенными силами союзники, шагъ за шагомъ, вернуть территорію, которую осквернилъ своимъ занятіемъ могущественный врагъ, вызвавшій войну.

«Солдаты!

«Наши виллы сожжены, наши поля уничтожены, наши очаги разрушены. Вся наша прекрасная родина облечена въ трауръ, измучена жестокимъ и беспощаднымъ противникомъ. Нашихъ соотечественниковъ ждуть еще болѣе жестокія испытанія, если вы не освободите ихъ отъ позорнаго насилія. На васъ лежитъ священная обязанность и по первому знаку вашихъ вождей вы исполните ее.

«Одинъ великій король Франціи, потерпѣвъ поражение, произнесъ гордые слова: «Все потеряно, кромѣ чести!»

«Вы покрыли славой вашу несчастную родину,— теперь вамъ предстоитъ воскресить ее изъ пепла.

Алтарь старинного храма въ Монсѣ.

«Солдаты!
«Вамъ нужно достигнуть большаго, чѣмъ слава:
«Вамъ нужно, съ помощью союзниковъ, освободить родину!».

Бой въ паркѣ.

Отвѣтомъ были кровопролитнѣйшіе бои у р. Изеръ между Ньепортомъ и Диксмюдомъ.

Бельгійцы затопили этотъ районъ такъ же, какъ нѣсколько ранѣе,—мѣстность у Малина и Термонда.

Человѣкъ, который предложилъ затопить позиціи германцевъ на р. Изеръ, получилъ орденъ Леопольда.

Это — сторожъ большой плотины, распредѣляющей воду по каналамъ.

Ему не стоило большого труда доказать бельгійскому штабу, что, принявъ за барьеръ между собою и непріателемъ желѣзнодорожное полотно и выпу-

стивъ воду изъ каналовъ, можно затопить все пространство, занятое неприятельскими траншеями и артиллеріей.

Планъ этотъ былъ принятъ безъ лишнихъ разговоровъ.

Искусственное наводненіе превосходно удалось, и въ этомъ отношеніи бельгіяцамъ помогъ документъ, относящійся къ процессу между однимъ арендаторомъ и хозяиномъ участка земли въ 1793 году.

То, что было сдѣлано въ концѣ XVIII вѣка, было повторено до мельчайшихъ деталей.

Проходы подъ желѣзнодорожнымъ полотномъ, отдѣляющимъ бельгіискія позиціи отъ германскихъ, были быстро задѣланы, послѣ чего огнемъ бельгіискихъ орудій разрушили въ нѣсколькихъ мѣстахъ берега канала.

Неприятельскіе отряды занимали сильно выдвинутыя позиціи на отдѣльныхъ фермахъ, и, когда бельгійцы пустили воду, многіе изъ этихъ отрядовъ оказались изолированными отъ главныхъ силъ.

Тѣ же, которые пытались идти въ бродъ, разстрѣливались бельгіяцами.

Послѣдніе отразили съ помощью союзниковъ множество бѣшеныхъ атакъ въ этомъ наводненномъ районѣ, обошедшихся германцамъ въ 125.000 человѣкъ, и сами потеряли болѣе 10.000 человѣкъ.

Нужно было пополнить и безъ того порѣдѣвшіе ряды.

«Moniteur Belge» опубликовалъ призывъ:

«Многочисленныя бельгіискія семьи, изгнанныя изъ родныхъ городовъ и деревень ужасами неприятельскаго нашествія, вынуждены были искать убѣжища за границей. Послѣднее они нашли въ гостепримныхъ стра-

ныхъ, гдѣ, какъ государственныя власти, такъ и население явили доказательство добраго отношенія къ нимъ, воспоминаніе о которомъ навсегда сохранится въ памяти бельгійской націи.

Въ Динантъ.

«Всѣ эти семьи имѣютъ одну общую обязанность: никогда не забывать о покинутомъ отечествѣ, гдѣ родные, друзья и товарищи по работѣ такъ жестоко страдаютъ. Онѣ должны стараться своимъ мужествомъ и достоинствомъ, проявленными ими въ эти дни испытаній, еще болѣе усилить симпатіи, проявленные по отношенію къ Бельгій всѣмъ чловѣчествомъ, всѣми яеными умами и великодушными сердцами. Да будутъ мысли ихъ, надежды и дѣянія всегда направлены къ достиженію священной цѣли: освобожденія родной территоріи.

«Многія изъ этихъ семействъ насчитываютъ еще въ своихъ рядахъ мужчинъ и молодыхъ людей, способныхъ принимать участіе въ войнѣ. По собственному побужденію многіе изъ нихъ поступали и поступаютъ ежедневно въ нашу армію. Необходимо, чтобы всѣ остальные незамедлительно послѣдовали ихъ примѣру.

«Мы обращаемся ко всѣмъ способнымъ носить оружіе, бельгіяцамъ и особенно къ мужчинамъ въ возрастѣ отъ 18 до 30 лѣтъ, приглашая ихъ поступать въ качествѣ добровольцевъ въ армію на все время военныхъ дѣйствій. Все будетъ сдѣлано для облегченія имъ этого шага.

«Достаточно будетъ обращенія къ бельгійскимъ консуламъ. Послѣдніе, убѣдившись въ отсутствіи мотивовъ моральнаго или физическаго свойства, могущихъ препятствовать несенію военной службы, выдадутъ, въ случаѣ надобности, средства для немедленнаго отправленія ихъ въ сборные пункты въ Англии и Франціи.

«Бельгійцы, не состоящіе въ бракѣ, въ возрастѣ отъ 18 до 30 лѣтъ, которые не отзовутся на этотъ призывъ до 2 (15) ноября, могутъ быть реквизированы властями на основаніи закона 1 (14) августа 1887 года и использованы для работъ военнаго характера.

«Мы надѣемся, что всѣ исполнятъ свой долгъ. Ставшая жертвой преступленій, подобнаго которому не знаетъ исторія, Бельгія никогда не имѣла больше основаній и больше правъ рассчитывать на помощь своихъ сыновъ. Пусть всѣ бельгійцы, подъ предводительствомъ короля Альберта, которымъ мы гордимся, стремятся ускорить наступленіе того часа, когда мы снова объединимся и станемъ независимы и свободны на территоріи нашего возлюбленнаго отечества.

Главная улица въ Термондѣ.

страданія котораго сдѣлали его намъ еще болѣе дорогимъ».

Призывъ этотъ подписали: военный министръ Броквиль, министръ юстиціи Картонъ-де-Віаръ, министръ иностранныхъ дѣлъ Давиньонъ, министръ внутреннихъ дѣлъ Беррье, министръ наукъ и искусствъ Пуллэ, министръ финансовъ Ванъ-де-Виверъ, министръ земледѣлія и общественныхъ работъ Де-Геллепотъ, министръ промышленности и труда Юберъ, министръ путей сообщенія, морской, почтъ и телеграфовъ Сегерсъ, министръ колоній Ранкэнъ.

И стали стекаться способные носить оружіе.

И пополняли ряды.

И рвались впередъ на мертвый Брюгге, Гентъ, Оденарденъ вмѣстѣ съ королемъ Альбертомъ.

XV. Великій король маленькаго отечества.

Быстрыми, внезапными шагами вошелъ онъ въ исторно.

Сразу утвердилъ себя въ ней.

Безстрашіе мысли, какимъ была окрашена вся его дѣятельность во время мира, не покинуло этого поклонника Верхарна и въ пору кровавыхъ испытаній.

Передъ нападениемъ на Бельгію императоръ Вильгельмъ отправилъ ему телеграмму:

«Если ты воспротивишься проходу моихъ войскъ, я сочту тебя своимъ личнымъ врагомъ и разорю твою страну».

Отвѣтъ:

«Я скорблю лишь объ одномъ, что государямъ не

разрѣшено носить ружье, — моя первая пуля была бы предназначена тебѣ».

Онъ скромно предъявлялъ свой пропускъ, остановившимъ его крестьянамъ, которые добровольно взяли на себя обязанности сельской полиціи.

Король Альбертъ.

Бумага была выдана и подписана начальникомъ главнаго штаба.

На ней значились имя и профессія подателя:

«Альбертъ, король бельгийцев».

Король-человѣкъ, король-гражданинъ, король-воинъ, дѣлившій съ соратниками всю тяжесть походной жизни.

Разносившій имъ въ траншеяхъ папиросы и сигары.

Угощавшій ихъ въ ненастье коньякомъ и ромомъ.

Его заставляли сидѣвшимъ на камнѣ у края дороги, гдѣ онъ подкрѣплялся бутербродами, запивая ихъ водой изъ солдатской фляги.

Идиллическій фламандскій городокъ съ уютными домами и старинной церковью.

Повсюду союзные солдаты и офицеры.

На площади, у ратуши,—группа германскихъ плѣнныхъ.

У нихъ жалкій видъ.

Въ маленькомъ окнѣ ратуши виденъ военный въ простомъ синемъ мундирѣ.

Блѣдное и печальное лицо.

Подперевъ голову рукой, онъ задумчиво смотреть на группу германскихъ плѣнныхъ.

Вѣроятно, его узнали.

Трубный сигналъ,—и на площадь со всѣхъ прилегающихъ улицъ стекаются французскіе пѣхотинцы, выстраиваясь четкими рядами передъ маленькимъ окномъ.

Онъ встаетъ, выпрямляется во весь ростъ, и, опираясь о подоконникъ, глядитъ на солдатъ.

Голова его не покрыта и бѣлокурые волосы слегка развѣваются по вѣтру.

Появляется оркестръ, капельмейстеръ даетъ знакъ и гремитъ «Брабансонна».

Къ ней примѣшиваются глухіе раскаты канонады, наплывающіе съ поля битвы неподалеку отсюда.

Военный въ простомъ синемъ мундирѣ застылъ въ своей полѣ.

Музыка умолкаетъ.

Солдаты берутъ на карауль.

Короткая команда,—и войска уходятъ съ площади въ томъ направленіи, откуда доносится пальба.

Онъ машетъ имъ рукой и когда исчезаетъ вдали послѣдній рядъ, еще стоитъ у маленькаго окна, устремивъ вслѣдъ отряду задумчивый взоръ.

Долго, долго...

.....
Передовая позиція.

Военный въ простомъ синемъ мундирѣ—среди тѣхъ, кто грудью отстаиваетъ крошечную полоску родной земли.

Его настойчиво убѣждаютъ уйти:

— Противникъ пристрѣливается и сейчасъ начнетъ бить по этому бугру!

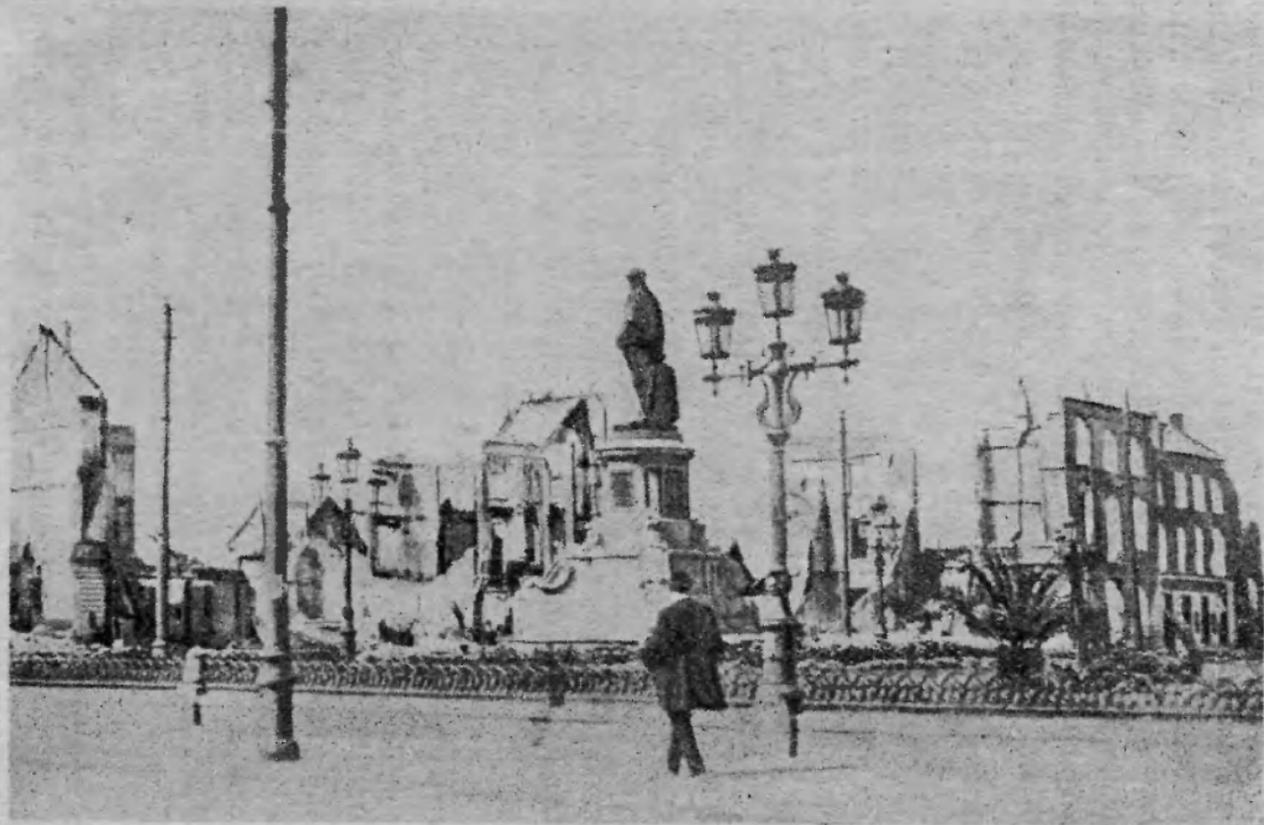
Онъ раздраженно отказывается:

— Ни за что, даже если непріятель сосредоточитъ на этомъ клочкѣ огонь всей своей артиллеріи!

И остается...

.....
Прекрасно сказалъ о немъ Метерлинкъ:

«Изо всѣхъ героевъ этой страшной войны, которые останутся въ памяти людей, однимъ изъ наиболѣе чистыхъ, наиболѣе любимыхъ будетъ, безъ сомнѣнія, молодой и великій король моего маленькаго отечества. Въ рѣшительную минуту онъ оказался поистинѣ человѣкомъ провиденціальнымъ, тѣмъ, кого ожидали всѣ сердца. Онъ сразу сумѣлъ воплотить

Разрушенный Лувенъ: развалины „Hôtel du Nord“ и другихъ зданій вокругъ уцѣлѣвшаго памятника генералу Гауку.

во всей прелести глубочайшія основы души своего народа, и въ его лицѣ вся Бельгія вдругъ открылась и для самой себя, и для другихъ. Если бы его не было,—событія, несомнѣнно, прошли бы иначе, и исторія лишилась бы одной изъ самыхъ красивыхъ и самыхъ благородныхъ страницъ. Конечно, Бельгія осталась бы вѣрнѣй своему прошлому; всякое правительство, которое начало бы колебаться, было бы беспощадно сметено неудержимымъ негодованіемъ народа, никогда, какъ бы ни заходить далеко въ глубь исторіи, не бывшаго измѣнникомъ. Но могла произойти невѣроятная смута, могли быть ошибочныя движенія, неизбѣжныя у воспламененной толпы. Не обошлось бы безъ невѣрныхъ шаговъ, безъ понятныхъ, по непоправимыхъ колебаній. А главное—въ нужный моментъ необходимыя, ясныя, непререкаемыя слова не были бы сказаны, твердые и красивые жесты не были бы сдѣланы. Теперь, благодаря ему, все вспыхнуло сразу яркимъ блескомъ, безъ оговорокъ, колебаній, шероховатостей. Сразу избрана была героическая линія, прямая, четкая, великолѣпная линія, похожая на безконечно продолженныя Термопилы.

«Но какъ онъ страдалъ, какъ страдаетъ каждый день, извѣстно только тѣмъ, кому выпало на долю счастье ближе подойти къ этому герою. Самый чувствительный и самый мягкій изъ всѣхъ людей, скромный, молчаливый, умѣющій таить внутри свои волненія, деликатный, смущающій другихъ своей застѣнчивостью,—онъ любитъ свой народъ не столько, какъ отецъ своихъ дѣтей, а скорѣе, какъ сынъ любитъ свою мать, которая сама его обожаетъ.

«Королевство—его гордость и радость, его счастье, его очагъ довѣрія и любви. И изъ этого дорого

ему королевства, осталось всего только нѣсколько городовъ. и имъ угрожаетъ каждый моментъ завоеватель, самый гнусный изо всѣхъ, какіе когда-либо были на землѣ.

«Всѣ другіе города, красивые, смѣющіеся, спокойные, счастливые своимъ безобиднымъ существованіемъ, эти модели ясной и чистой семейной жизни, мѣста, гдѣ честно и лояльно развивались производительныя силы, гдѣ видѣли сердечное, вѣчно улыбающееся добродушіе, гдѣ находили милый пріемъ безъ фразъ, но съ распростертыми объятіями и съ открытыми сердцами,— всѣ они погибли: отъ нихъ не остается камня на камнѣ. Поля и деревни, пѣкрытыя такой нѣжной зеленью, едва ли не самыя привлекательныя въ мірѣ, превратились въ долины ужаса. Погибли сокровища, считавшіяся самыми трогательными сокровищами челоувѣчества; исчезли памятники, которыхъ уже никто не можетъ возстановить. Половина націи, болѣе чѣмъ другія привязанной къ своимъ старымъ, простымъ обычаямъ, своимъ скромнымъ очагамъ, блуждаетъ теперь по европейскимъ дорогамъ. Тысячи невинныхъ существъ умерщвлены, и почти всѣ, кто остался въ живыхъ, преданы голоду и нищетѣ.

«Но все, что осталось въ живыхъ, имѣетъ только одну душу, укрывшуюся въ великой душѣ своего короля. Нѣтъ ропота, нѣтъ упрековъ. Вчера городъ съ 30.000 жителей получилъ приказъ покинуть свои бѣлые домики, свои церкви, свои многовѣковыя площади, на которыхъ протекала простая, трудовая жизнь. И 30.000 жителей, — женщины, дѣти, старики,—устремляются въ ночное время, чтобы искать ненадежнаго пристанища въ сосѣднемъ селеніи, точно такъ же угрожаемомъ, которое въ свою очередь, быть можетъ,

должно будетъ бѣжать, куда,—неизвѣстно, потому что отечество такое маленькое, такъ легко пройти его съ одного конца до другого,—и, можетъ быть, убѣжища не окажется. Но все это неважно; они молчаливо повинуются и всѣ безъ исключенія одобряютъ и благословляютъ своего повелителя. Онъ сдѣлалъ все, что могъ сдѣлать, что сдѣлали бы всѣ на его мѣстѣ. И если всѣ они терпятъ такія страданія, какихъ не терпѣлъ ни единый народъ послѣ дикихъ опустошеній первыхъ вѣковъ, то знаютъ, что онъ страдаетъ больше всѣхъ, потому что до него доходятъ, въ немъ находятъ отзвукъ,—и притомъ усиленный,—всѣ ихъ страданія. Они даже не представляютъ себѣ, чтобы онъ могъ дѣйствовать иначе, чтобы онъ могъ спасти ихъ, поступившись честью. Они сами въ своей судьбѣ не поступаютъ своимъ долгомъ, который кажется имъ такимъ же неизбѣжнымъ, какъ сила природы, противъ которой не борются, ибо она непобѣдима. Да, здѣсь—примѣръ коллективнаго героизма,—героизма безъимяннаго, наивнаго, почти безсознательнаго, потому что со времени великихъ мучениковъ не умирали болѣе просто и за болѣе простую идею.

«Впрочемъ, если среди всѣхъ ужасовъ, какіе скопились вокругъ насъ, позволительно сказать и о чемъ-нибудь другомъ, а не только о скорби и слезахъ, то можно найти чудесное утѣшеніе при видѣ этого неожиданнаго героизма, который такъ внезапно охватилъ насъ со всѣхъ сторонъ. Можно смѣло сказать, что никогда на памяти людей не приносили своихъ жизней въ жертву съ такимъ пыломъ, съ такимъ самоотверженіемъ, съ такимъ энтузіазмомъ. Всѣ безсмертныя доблести, какія доселѣ поднимали и спасали че-

Разрушенный Лувень: слева—остатки церковного дома, посреди—развалины знаменитого собора св. Петра, справа—ущербившая ратуша.

ловѣческіе авангарды, никогда еще не отличались такимъ порывомъ, такой молодостью, мощью и блескомъ».

Поэтъ сошелся съ убѣленнымъ сѣдинами политикомъ.

«Бельгія,—сказалъ на митингѣ въ Дублинѣ Асквиль,—небольшая, процвѣтающая страна, совершенно незаинтересованная въ европейскихъ спорахъ. Какъ могли германцы думать, что эта маленькая страна будетъ готова пойти на то, чтобы ея поля залили кровью ея солдатъ, чтобы ея города и села были опустошены мародерами, чтобы ея богатое наслѣдіе памятниковъ, созданныхъ благочестіемъ, наукой и искусствомъ прошлаго, было обращено въ развалины? И все это ради того только, чтобы не допустить нарушения ея нейтралитета и угрозы ея независимости. Страстная привязанность численно ничтожнаго населенія къ клочку территоріи, который кажется на картѣ столь мизернымъ, гордость и непобѣдимая любовь свободнаго народа къ своему свободному государству,—все это вещи, которыя, вѣроятно, никогда и не снились философамъ изъ Потсдама. Рѣдко въ исторіи было большее неравенство силъ между нападающимъ и обороняющимся. Моральное неравенство было по меньшей мѣрѣ столь же велико. Ибо сопротивление бельгійцевъ не только измѣнило весь ходъ кампаніи: оно доказало міру, что идеи, которыя не могутъ быть взвѣшены и измѣрены, еще въ состояніи вдохновлять людей и двигать ими».

ХVI. Заключение.

Фонъ-деръ-Гольцъ пытался склонить бургомистровъ крупнѣйшихъ бельгійскихъ городовъ къ образованію временнаго правительства.

Онъ обѣщаль при этомъ:

Если бельгійцы объявятъ нынѣшнее правительство низложеннымъ, то большая часть германскихъ войскъ очиститъ Бельгію, и, кромѣ того, бельгійцамъ будутъ предоставлены другія облегченія.

Бургомистры отвѣтили каждый за себя, что страна пока подчиняется своей участи, но никогда не пойдетъ на измѣну...

Всѣ желѣзнодорожные, почтово-телеграфные и таможенные служащіе заявили правительству, что никогда не будутъ служить непріятельской администраціи..

Безконечно правъ былъ Асквитъ:

Все это вещи, которыя, вѣроятно, никогда и не снились философамъ изъ Потсдама.

Въ Бельгію былъ отправленъ представитель офціознаго «Local-Anzeiger».

Впечатлѣнія?

«Ничему другому, какъ тупости бельгійцевъ,—свидѣтельствовалъ этотъ вахмистръ отъ публицистики,—я не могу приписать то странное явленіе, какое наблюдается здѣсь на улицахъ, въ лавкахъ, въ ресторанахъ, словомъ, вездѣ: у этого народа нѣтъ ни малѣйшаго представленія о дѣйствительности; онъ не обращаетъ рѣшительно никакого вниманія на реально сложившіяся обстоятельства, а вѣритъ, — и чрезвычайно крѣпко вѣритъ — только въ то, что ему желательно;

Старъ и младъ...

туть всё все время чего-то ждутъ: какого-то факта, какой-то вѣсти, чьего-то прибытія: толпа настораживается при видѣ каждаго быстро ѣдущаго автомобиля, при стукѣ копытъ каждой лошади; говорятъ, эти люди все еще ждутъ своего короля, и сколько не старался я убѣдить ихъ, что Бельгія больше не существуетъ, что Бельгіи больше нѣтъ, никакъ нельзя было втолковать имъ это»...

Какъ могъ вахмистръ отъ публицистики втолковать имъ это словомъ, если въ томъ же нельзя было убѣдить ихъ огнемъ и мечомъ?

Когда профессоры, какъ Клуге, не видятъ ничего вопіющаго въ разрушеніи Лувена...

Когда пасторы и депутаты, какъ Гейнъ, кощунствуютъ въ «Vossische Zeitung»:

«Правда, что наши солдаты пристрѣливали всѣхъ бельгійскихъ бездѣльниковъ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей безъ разбора, а также, что разрушали ихъ жилища, однако, считающій это противнымъ христіанскому учению лишь доказываетъ, что не имѣетъ никакого представленія объ истинномъ духѣ христіанства»...

Когда ученые, писатели и музыканты, какъ Брентано, Виндельбандъ, Вундтъ, Геккель, Лабандъ, Листъ, Гауптманъ, Зудерманъ, Вагнеръ, Вейнгартнеръ и другіе бросаютъ въ своей деклараціи «Цивилизованному міру» ужасную оговорку, что «германскія войска не совершили никакой не дисциплинированной жестокости»,—мы слышимъ исповѣдь интеллигентной Германіи, вселенски подтвердившей тождество своего міровоззрѣнія съ 16-дюймовымъ мышленіемъ бронированнаго кулака.

Это замѣчалось уже давно.

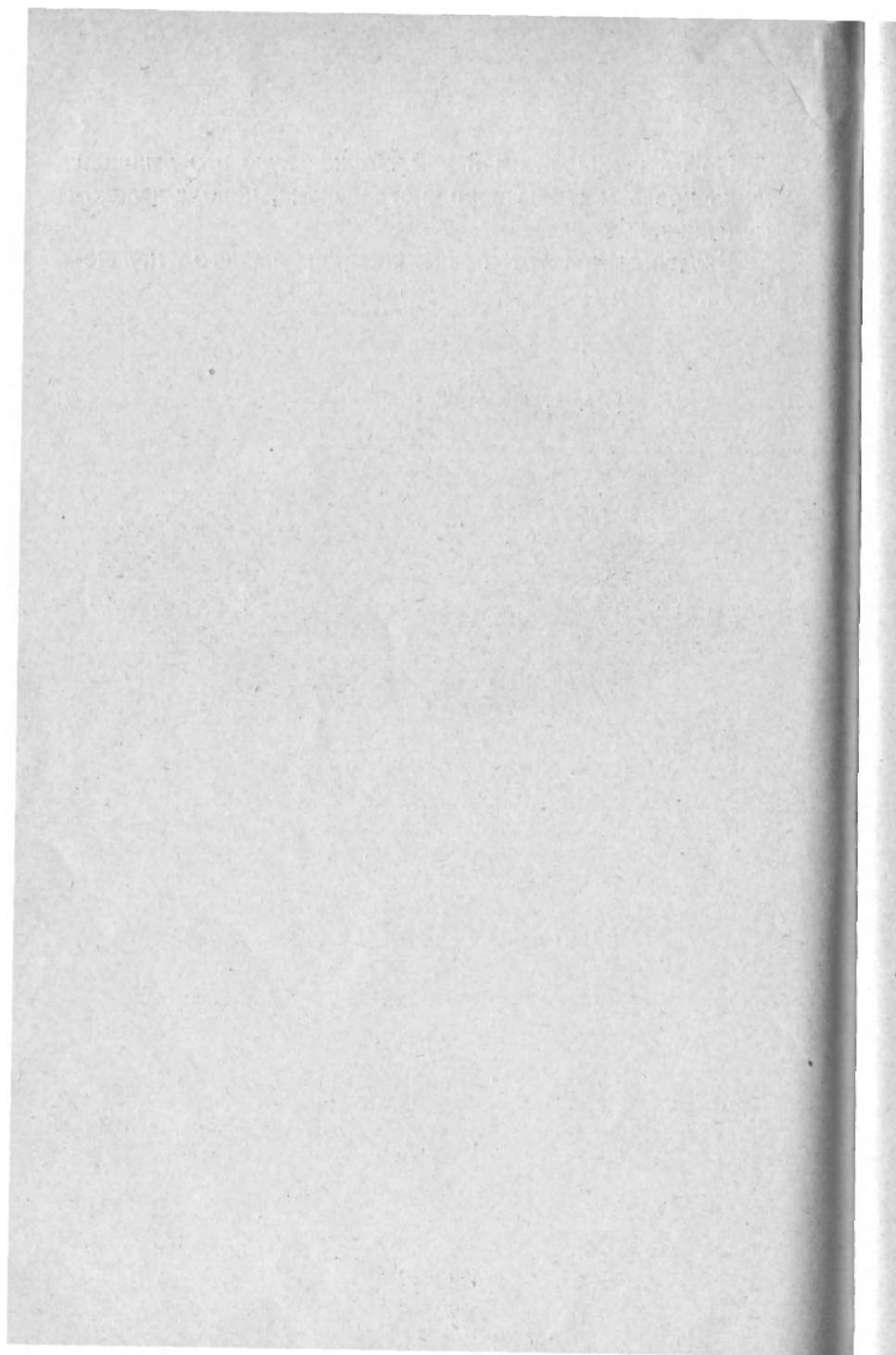
Но съ непрекаемой убѣдительностью это выявили
лишь кровь и слезы народа-страдальца, народа-велико-
мученика.

Бельгийская жертва дисциплинированного палаче-
ства...

Ни кола, ни двсра...

Источники.

Дипломатическіе документы:

- „Бѣлая книга“ (англійская).
- „Сѣрая книга“ (бельгійская).
- „Оранжевая книга“ (россійская).

Официальныя сообщенія:

- Протоколы (I, II, III) бельгійской анкетной комис-
сии по установленію нарушеній международ-
наго права и обычаевъ войны.
- Французскія.

Стенограммы рѣчей:

- Англійскаго министра иностранныхъ дѣлъ Грѣя
(21 юля) въ палатѣ общинъ.
- Военнаго—Китченера (10 августа) тамъ же.
- Премьера Асквита (12 сентября) на митингѣ въ
Дублинѣ.

Шеро:

- Въ захваченной Бельгій. „Illustration“, № 3735.

Метерлинкъ:

- Король Альбертъ. „Le Journal“, № 8052.

В. Жаботинскій:

- Младшій братъ Лувена. „Русск. Вѣдомости“, № 222.

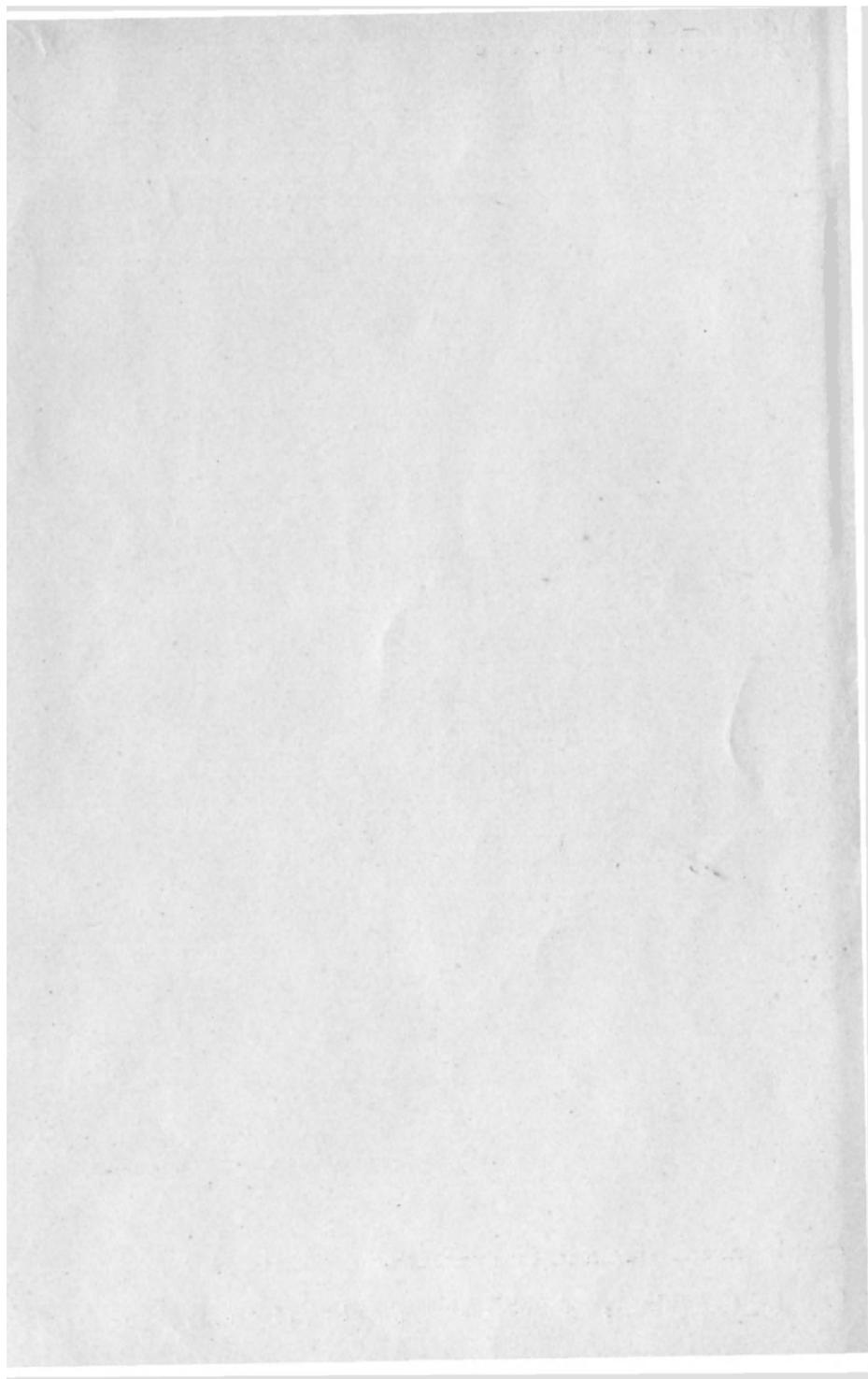
Д. Часовниковъ:

- Въ осажденномъ Льежѣ. *Ibidem*, № 208.

Телеграммы, письма участниковъ, бесѣды съ оче-
видцами и вообще информационныя замѣтки въ ино-
странныхъ и отечественныхъ изданіяхъ („Биржевыя
Вѣдомости“, „Русское Слово“).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
I. Что такое Бельгія	5
II. «Клочекъ бумаги»	10
III. Почему германцы двинулись черезъ Бельгію?	17
IV. «Бельгіицы, поднимайтесь!»	19
V. Льежъ	21
VI. Фортъ Лонсенъ	27
VII. «Воздавая должную хвалу»... ..	33
VIII. Въ Брюсселѣ	36
IX. Бургомистръ Адольфъ Максъ	41
X. Общее настроеніе	51
XI. Огнемъ и мечомъ	55
XII. На закланіе	73
XIII. У стѣнъ Антверпена	79
XIV. На чужбинѣ	94
XV. «Великій король маленькаго отечества»	108
XVI. Заключеніе	118

Цѣна ~~75 коп.~~

1-50

1-50
Ноб
△

Складъ изданія: „Книжная Экспедиція“, Москва, Глиннищевскій, 6.

Тип. Акц. О-ва «Московское Издательство», Б. Дмитровка, 26.

